

The background of the cover is a medieval manuscript illustration. The top half shows a castle with blue battlements and red-roofed towers. A large section of the castle wall is covered in a diamond-patterned lattice of blue, red, and gold, with white trident symbols. To the right, a stone tower is being set on fire, with bright red flames rising. Three soldiers in blue armor and helmets are visible on the battlements. In the bottom left, a king in a blue crown and armor stands next to a woman in a long red and blue gown, who has her hands clasped in prayer.

Елена Хаецкая

Прозаические ЛЭ

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ІГОРІВІДІСІ

Mystic&Fiction. Ветер мечты

Елена Хаецкая

Прозаические лэ

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Хаецкая Е. В.

Прозаические лэ / Е. В. Хаецкая — ИД «Городец»,
2021 — (Mystic&Fiction. Ветер мечты)

ISBN 978-5-907358-42-3

Прекрасные дамы, благородные и отважные рыцари, волшебные существа, олени, ежи и единороги, короли и королевы... Кургуазные истории в лучшем духе Кретьена де Труа и Марии Бретонской во всей их красоте жестокости! Рыцарь Гавейн возвращает себе славное имя, пройдя череду унижений. Сир Галевин узнаёт, каково это – жить рядом с волком и любить в нем все волчье, и все человеческое. Принц Турольд выясняет, легко ли быть сыном чудовища. Правитель Гардарики Всеволод заключает сделку, за которую расплачиваются его дети и внуки. Кровь и жимолость, вино и морские валы. Любовь смертных и бессмертных. Чёрное пламя на курганах врагов. Великолепная поэтическая стилизация от автора «Лангедокского цикла» и «Царства небесного».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-907358-42-3

© Хаецкая Е. В., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Прекрасный виночерпий	6
Фриек и бисклавре	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Хаецкая

Прозаические лэ

© Елена Хаецкая, 2021

© ИД «Городец», 2021

* * *

Елена Хаецкая – российская писательница и переводчик фантастических и исторических произведений. Родилась в Ленинграде. В литературе дебютировала романом «Меч и Радуга» (1993). Награждена премиями «Странник», «Бронзовая улитка», «Большой Зилант», «Меч Руматы», «Басткон», «Филигрань» и многими другими.

Прекрасный виночерпий

Наступил уже день Пятидесятницы, и рыцари, кто смог, съехались в Камелот к королевскому двору. Сияли драконы и вепри, грозили львы и единороги, и рыбы дивились на происходящее с гербовых щитов. Не прибыло всего несколько славных рыцарей, и обо всех король справился поименно: Тристрам по срочной надобности находился в Уэльсе, Ламорак улаживал какие-то дела в Каэрлеоне, ну и еще отсутствовал Юбер де Куртуа, любимец прекрасных дам; насчет него сведения ходили противоречивые.

Король, в белоснежных одеждах, широкоплечий, восседал на кресле с высокой спинкой, и круглый хлеб возлежал на серебряном блюде перед ним; почти все места за Круглым Столом заняты – как и положено в Троицын день, изобилие благ переливается через край. Самое время вносить запеченного фазана.

Вот уж прибыл на огромном подносе фазан в переливающихся перьях, и запела звучная лютня, и акробат, с лицом таким красным, словно его только что вытащили из печи, начал бросать цветные шарики, стоя вниз головой, и согласно загудели голоса пирующих... Все это наполнило сердце короля таким всеобъемлющим покоем, какого не ведал он и в детские свои годы.

– Сейчас самое время для какого-нибудь приключения, – говорит король. – Потому что для полноты счастья необходимо нечто сверх счастья, – нечто такое, что осмелится нарушить совершенство и пошатнуть гармонию. Это как зеркальное озеро: оно прекрасно, оставаясь неподвижным, но втрое прекраснее – если бросить в него камень и смотреть, как на разбегающихся кругах одна за другой начинают раскачиваться лилии.

– Все это слишком сложно, дядя, – заметил Гавейн, поглядывая, однако, не на короля, а на фазана.

И тут раздался громкий звук, словно лаяли охотничьи собаки или рычала утроба дикого зверя, чья шкура вместо пятен вся испещрена глазами, – и в зал вошла дама.

Шум издавали ее одежды, многослойные и широкие. При каждом шаге она взбивала юбки и взмахивала рукавами, а рукава у нее свисали до самого пола и были оторочены каким-то особенным жестким мехом, который трещал от любого движения. И когда все присмотрелись внимательнее, то увидели, что это не мягкий мех, а иглы, наподобие ежиных.

Представ перед королем, дама низко склонилась и опустила голову.

– Что привело вас ко мне, прекрасная дама? – спросил король учтиво и ласково.

А она подняла голову и ответила:

– Я хотела бы получить при вашем дворе должность виночерпия.

– Быть виночерпием непросто, – подал голос сенешаль Кей. – Да и занятие это неподходящее для дамы.

– И все-таки я прошу о такой милости, – настаивала дама.

Тут акробат медленно опустил ноги на землю и принял положение, положенное человеку от Бога, то есть головой вверх, а ногами вниз, и так утвердился в своем углу; лютнист прервал игру. Слуги же держали фазана на поднятых руках, и руки их начали подрагивать от напряжения. Ничего им так ни хотелось, как водрузить наконец фазана на стол и дать себе немного отдыха.

Король, к их облегчению, сказал:

– В таком случае, можно со спокойной душой начинать пир. Мы ждали только какого-нибудь приключения или известия о приключении, чтобы хотя бы маленький камень нарушил зеркальную гладь нашего пруда.

И дал знак слугам поставить фазана посреди стола.

Они так и поступили и поскорее удалились, а дама в ее многослойных одеяниях осталась наедине с тяжелыми кувшинами вина и необъятными кубками, которые надлежало наполнить с неустанной тщательностью.

Видя, что она медлит, король с улыбкой спросил:

– Что с вами, прекрасная дама? Может быть, должность виночерпия для вас непосильна? Еще не поздно отказаться без всякого ущерба для вашей чести.

– Я сама вижу, что должность эта трудная и работа моя будет сопряжена со многими опасностями, – отозвалась дама. – Поэтому прошу назначить мне помощника и телохранителя, притом такого, который был бы самым славным из всех рыцарей.

– Это легко исполнить, – сказал король. – Мой племянник Гавейн так и зовется – Славный Рыцарь, и поверьте, это прозвание он заслужил не за красивые глаза. А как ваше прозвание?

– Мое имя Леонора, – отвечала дама, – но теперь я хочу, чтобы ко мне обращались «Прекрасный Виночерпий».

– Отлично! – воскликнул король. – Итак, Славный Рыцарь, идите помогайте Прекрасному Виночерпию исполнять его долг, а все остальные – подставляйте скорее кубки!

Гавейн нехотя поднялся с места и подошел к Леоноре, а она объяснила ему, в чем должна заключаться его помощь:

– Придерживайте мои рукава, пока я разливаю вино.

Гавейн схватил ее рукав и тотчас отдернул руку. На пальце у него показалась кровь.

– Будьте осторожнее, – заметила Леонора. – Наденьте перчатки.

– Я никогда не обедаю в перчатках, – возразил Гавейн.

– Обедать вам не придется, – сказала Леонора. – Разве что потом, когда пир закончится, и мы с вами сможем подкрепиться обедами.

– Как будто мой дядя король когда-либо по доброй воле оставлял обеда, – вздохнул Гавейн. – Когда он был моложе, то съедал целого оленя с костями и рогами. Я же менее славный рыцарь и способен уничтожить таким образом разве что вепря.

– Мои таланты еще скромнее, – сказал Прекрасный Виночерпий. – Я в состоянии раздеваться лишь с куропаткой.

Беседуя таким образом, они разливали вино и обошли уже почти весь стол, когда дверь внезапно распахнулась и на пороге показался рыцарь огромного роста.

Ему даже пришлось немного наклонить голову, чтобы не касаться макушкой потолка, – такой он был высокий.

Доспех на нем был весь усеян красными шипами, а лицо потемнело от ярости, глаза же, желто-карие, сильно выпучились и вращались в орбитах.

– Как вы посмели отобрать у меня даму! – закричал он таким громким и низким голосом, что струны лютни запели сами собой и задребезжали слюдяные окна.

Леонора выпрямилась, держа в одной руке кувшин, а в другой – королевский кубок. Одежды ее зашумели, иголки на оторочке рукавов затрещали, а длинные светлые волосы вспыхнули, когда она потрянула головой.

– Как вы смеете врываться сюда и обвинять короля в подобных вещах! – произнесла дама.

Великан повернулся к королю и, пока тот рассматривал его, растянул в улыбке рот.

– Все ваши рыцари – малодушные трусы, – прорычал наконец великан. – Вот прямо сейчас на ваших глазах я возьму то, что принадлежит мне, и то, что вы попытались присвоить, и ни один из вас не посмеет мне помешать!

С этими словами он схватил Леонору, перебросил ее через плечо и, хотя она изо всех сил колотила его колючими рукавами, потащил прочь. Он шел такими широкими шагами, что ни один человек не сумел бы догнать его пешком, и исчез так быстро, что никто не успел даже слова сказать. Гавейн так и остался стоять посреди зала, растерянный и огорченный. Он сделал шаг назад, споткнулся об акробата, забившегося в угол, и рассердился пуще прежнего.

– Коль скоро Прекрасный Виночерпий исчез так же внезапно, как и появился, – сказал Гавейн, – то я слагаю с себя обязанности его помощника и считаю себя вправе приступить наконец к трапезе.

Он преспокойно уселся на свое прежнее место и придвинул к себе блюдо, на котором уже приготовлен был кусок фазаньего мяса с воткнутым в него перышком.

Не обращая внимания на остальных, Гавейн отрезал себе кусок и сунул в рот.

И тогда король с силой хватил ножом по круглому хлебу, лежавшему перед ним на серебряном блюде. Нож рассек хлеб и глубоко вонзился в серебро.

– Трус! – только и сказал король.

Он отшвырнул от себя обломки ножа и раскидал руками половинки блюда с разрубленным хлебом. Одна половинка ускользнула к Кею-сенешалю, а вторая упала на пол, и ее быстро подобрал лютнист.

Гавейн подавился мясом.

– Кто трус? – спросил он невнятно, поскольку рот у него был набит мясом.

Все смотрели на него, а Гавейн жевал и краснел все сильнее.

– Речь шла о вас, – пояснил Кей-сенешаль, злорадствуя. – Ведь именно вы, дорогой Гавейн, были назначены помощником и телохранителем Прекрасного Виночерпия. А когда великан ворвался в зал и похитил эту даму с ежовыми рукавами, вы даже пальцем не пошевелили.

– Так ведь и вы тоже пальцем не пошевелили, – заметил Гавейн.

– Да, но не я, а вы поклялись защищать ее.

– Я вообще не клялся, – напомнил Гавейн.

С этими словами он поднялся и вышел из пиршественного зала.

А король смотрел на глубокую царапину, оставшуюся в столешнице, и думал о том, что камень, попавший в зеркальную гладь, оказался слишком тяжелым, и о том, что мир опять раскалывается на части и собрать его воедино будет непросто.

* * *

Гавейн выехал из Камелота ближе к вечеру. Ни мгновения лишнего он не желал оставаться здесь. Хотя все рыцари, по его мнению, были одинаково виновны в том, что не заступились за даму, трусом назвали только его, Гавейна. Это следовало немедленно исправить.

Никто из слуг не захотел оседлать для него коня, и никто не помог ему уложить в сетку доспехи. Все это Гавейн проделал сам, после чего ворота закрылись за его спиной, и перед ним легла дорога, уводящая в глухой лес.

Первые несколько шагов показались ему страшно тяжелыми, следующие дались полегче, а потом он погрузился в привычную обстановку приключения, когда странник послушно отдается во власть мира и первого встречного и готов принять от них и доброе, и худое.

Гавейн ехал между деревьями по старой дороге, и по мере того, как становилось темнее, деревья иллюзорно оживали, как бы превращаясь в великанов. Но Гавейну знаком был этот обман, обычный для деревьев, и он не поддавался страху. Ночные птицы кружили в небе, их крылья видны были в просветах между густыми кронами, и иногда они закрывали звезды.

Наконец и конь, и всадник утомились и устроились на отдых. Гавейн улегся на мягком мху, положив голову на корень дерева, и крепко заснул.

Пробудился же он за час до рассвета, весь покрытый росой и дрожащий от холода. Но разбудил его не холод, а чей-то пристальный взгляд: кто-то находился поблизости и сверлил Гавейна глазами.

Гавейн положил окоченевшие пальцы на рукоять меча и хрипло спросил:

– Кто ты? Покажись! Я знаю, ты поблизости!

Спустя мгновение дрожащий голос отозвался:

– Не убивай меня, господин! Я ничего дурного не делал!

И перед Гавейном явился мальчик лет шестнадцати, одетый в лохмотья некогда богатого одеяния. Шелковая рубашка висела на нем, изодранная в клочья, так что просвечивали обнаженные руки, и заплатанный бархатный плащ волочился по земле, весь в шишках и маленьких веточках, запутавшихся в порванной ткани. Ноги мальчика были босыми, покрасневшими от холода и исколотыми, а на голове у него красовалась старая тряпка, такая безобразная, что Гавейн поморщился:

– Неужели ты не мог найти ничего получше, чтобы украсить свою голову?

– У меня там плещи и отвратительные язвы, – ответил мальчик. – И поэтому я не дерзаю показывать свою голову людям, господин.

– Что же ты делаешь в лесу? – спросил Гавейн.

– Прячусь, – объяснил мальчик. – Тут поблизости, говорят, бродит великан, весьма свирепый и страшный. Доспех на нем весь в красных шипах, лицо его темное от ярости, зубы у него желтые и острые, и недавно он украл даму, которую намерен взять себе в жены, а потом съесть.

– Все это – чистая правда, – подтвердил Гавейн. – И за этим великаном я гонюсь, желая отобрать у него даму. Иначе меня ожидает бесчестье.

– Так вы любите эту даму? – поинтересовался мальчик, подходя ближе к Гавейну.

– Упаси меня боже! – ответил Гавейн от души. – Вот уж кого я терпеть не могу, так это ее. Из-за нее у меня случились все неприятности, и по ее вине я, вместо того, чтобы сейчас сидеть с моим дядей королем за пиршественным столом, таскаюсь по сырому лесу и разыскиваю этого великана. Если он успеет съесть даму до того, как я настигну его, то позор останется со мной навечно. Если же он не успеет съесть даму и я сумею ее освободить, то одному Богу известно, в какие еще неприятности она меня ввергнет! Как ни посмотри, везде меня ждут беды, а началось все с того, что она явилась к нам в замок и потребовала, чтобы ее назначили королевским виночерпием, – он помолчал и с горечью заключил: – Понятия не имею, для чего я все это тебе рассказываю, малец. Убирайся-ка ты от меня подобру-поздорову и все свои плещки и отвратительные язвы уноси с собой.

Но мальчик громко разрыдался и упал на землю перед Гавейном.

– Все меня гонят от себя! – кричал он, размазывая слезы по лицу грязным кулаком. – Никто не желает со мною знаться!

– Да кто же окажется настолько глуп, чтобы захотеть этого? – удивился Гавейн. – Ступай в приют для прокаженных, там тебя, быть может, примут, хотя мне это сомнительно.

– Я ведь не совсем прокаженный, – возразил мальчик. – Беда случилось у меня от того, мой господин, что я спал в сырости и на голове у меня завелся мох. Я пошел к лекарю, а он вырвал этот мох вместе с волосами. . .

– Избавь меня от этих рассказней! – взмолился Гавейн. – Скажи лучше, умеешь ли разводить костер?

Мальчик подмигнул ему и быстро подсел поближе.

– Я мигом разведу для вас огонь, чтобы вы согрелись, мой господин, просушили одежду и волосы и, быть может, даже приготовили себе поесть.

– Еды у меня нет, – ответил Гавейн, – но просушить волосы не мешает, учитывая историю, которую ты мне рассказал.

Он уселся, прислонившись спиной к стволу дерева, а мальчик быстро принес хворост, разложил костер и подпалил его – но как ему удалось зажечь сырые ветки, да еще без огнива, – этого Гавейну понять не удалось.

Он только спросил у мальчика его имя, и тот ответил: «Леонес».

– Хорошо, Леонес, можешь поступить ко мне в услужение, пока я не найду кого-нибудь получше, – сказал Гавейн.

– А как вас зовут, мой господин? – спросил, совсем осмелев, мальчик.

Гавейн хотел было ответить, что его имя – Гавейн по прозвищу Славный Рыцарь, – но понял вдруг, что не в состоянии это выговорить. Он и помнил-то свое имя с трудом, а уж чтобы вслух такое вымолвить – не стоило даже и пытаться. Как будто кто-то наложил печать на его уста.

– Для чего тебе мое имя? – сердито сказал Гавейн. – Довольно и обращения «мой господин», если тебе так угодно. А если кто-нибудь спросит, кто такой твой господин, отвечай – «Безымянный Рыцарь». Потому что никому моего имени знать не позволено.

И, довольный собой, Гавейн протянул к костру руки.

* * *

Они пробирались по густой чаще уже час или два, когда внезапно Гавейн услышал где-то впереди громкий плач. Он остановил коня и сделал знак мальчику не шевелиться.

– Слышишь? – прошептал Гавейн.

– Воет кто-то, – кивнул мальчик. – Должно быть, зверь или птица.

– Нет, – покачал головой Гавейн. – Этот звук я распознаю среди сотни других. Это рыдает женщина. Едем скорее к ней! Вдруг мы нашли ту самую даму, которую похитил великан? Если так, то благодари судьбу: наше приключение закончится, едва начавшись, и я смогу вернуться к моему дяде королю за пиршественный стол. Клянусь, за услугу, оказанную мне, я и для тебя найду местечко под столом и сберегу для тебя самый жирный кусок из всех, что мне положат на тарелку.

– Вы чрезвычайно добры к своему недостойному слуге, мой господин, – низко поклонился мальчик.

– Среди рыцарей моего дяди короля я особенно славен добротой и щедростью, – похвастался Гавейн. – Меня за это так и прозвали... – Он хотел было сказать «Славный Рыцарь», но понял, что еще прочнее забыл собственное имя, и этому заключил: – «Рыцарь, который сует под стол самые жирные куски».

– Что может быть более щедрым и прекрасным! – подхватил мальчик.

Тут невидимая женщина зарыдала еще громче, а к ней присоединилась и вторая, и обе они плакали и причитали на все лады.

Гавейн прибавил шагу, и скоро они с мальчиком Леонесом очутились на поляне. Деревья обступали эту поляну со всех сторон. Посреди нее бежал маленький ручей, а по берегам его синими пятнами росли незабудки.

На берегу ручья лежал неизвестный юноша, а над ним сидели две молодые девушки. Их длинные волосы были заплетены в косы, и у одной коса была черная, перевитая жемчужной нитью, а у другой – алая, как кровь, схваченная несколькими тугими золотыми кольцами.

Гавейн сошел с коня и приблизился к девушкам, а мальчику Леонесу сделал знак оставаться поодаль, чтобы не перепугать их своим отвратительным видом.

Он наклонился над юношей и увидел, что тот слеп: белые глаза пусто глядели из глазниц.

– Пожелал бы я вам доброго дня, благородные девицы, – обратился Гавейн к плачущим красавицам, – да не так глуп, чтобы не понимать: добрым этот день для вас уже не станет. Позвольте узнать, почему вы так рыдаете? Должно быть, несчастье этого юноши трогает ваше сердце.

Тут черноволосая девушка повернулась к Гавейну и заговорила сквозь слезы:

– То, что наш брат ослеп, не слишком нас печалит, потому что Господь избавил его от созерцания горестей и печалей мира.

– В таком случае, кого же вы оплакиваете? – спросил Гавейн.

– Мы плачем потому, что убит был Гавейн по прозвищу Славный Рыцарь, – отвечала красноволосая девушка.

– Вот как! – произнес Гавейн. – Это воистину жаль. И кто же убил Гавейна? Уж не великан ли в доспехах, утыканных красными шипами?

– Его убили два брата, могущественные рыцари-колдуны, – сказала черноволосая девушка. – Одного зовут Фае Гордый, а другого – Гомере Безмерный.

– Безмерный? – удивился Гавейн.

– Это прозвище он получил оттого, что ни в чем не знает меры, – пояснила девушка. – И это воистину так: он вспыльчив, жаден, влюбчив и ненавидит всех славных рыцарей, мечтая их погубить.

– На самом деле эти два брата желали завоевать нашу благосклонность, – вмешалась красноволосая сестра, – но мы влюблены в одного только Гавейна.

– Позвольте, – удивился Гавейн, – так вы никогда не встречали Гавейна?

– Нет, – ответили сестры обе разом.

– Как же вы можете быть влюбленными в него?

– Мы полюбили его, потому что о нем шла везде добрая слава, – объяснили сестры.

– Но как же вы стали бы делить между собой его любовь? – спросил Гавейн.

– Вопрос праздный, – горестно ответила черноволосая. – Ведь Гавейна больше нет! Фае Гордый и Гомере Безмерный убили его мечами, о чем мы вам только что поведали.

– В таком случае, где находится тело Гавейна? – спросил Гавейн. – Я тоже хотел бы оплатить его!

– Враги разрубили его на кусочки, – рассказали сестры. – Кое-что они увезли с собой; нам же оставили левую руку и правую ногу.

С этими словами черноволосая девушка предъявила Гавейну отрубленную мужскую ногу в сапоге, а красноволосая с печальным вздохом вынула из-под своего плаща руку в богатом рукаве и перчатке.

– Вот все, что нам осталось от Славного Гавейна, – заключили сестры. – Как видишь, добрый рыцарь, делить нам больше ничего не приходится.

– О, – промолвил Гавейн, – похоже, Фае Гордый и Гомере Безмерный сумели помирить вас, даже если и было между вами соперничество. А это означает, что нет худа без добра.

С такими словами он вернулся к своему коню, снова сел в седло и двинулся дальше, а мальчик Леонес побежал за ним.

* * *

Ночь они провели в лесу, а утром следующего дня снова отправились в путь. Скоро дорога сделалась шире и лучше, а к полудню вывела путников к незнакомому замку. Вдали, на холмах, виднелась хорошо возделанная пашня. День выдался ясный, в синем небе ни облачка, и солнце изливало свое золото на распаханную землю.

– Войдем же в замок, – обратился к слуге Гавейн, – и попробуем раздобыть хотя бы немного еды. Я вижу, друг мой, что ты умираешь от голода.

– По правде сказать, мой добрый господин, я сейчас упаду на месте замертво, – отвечал мальчик. – Но это будет невеликая потеря, а вот если от голода умрете вы, то такая кончина может считаться бесславной даже для Рыцаря Без Имени.

Беседуя таким образом, они начали подниматься по холму, но сколько бы они ни спешили, сколько бы ни переставляли ноги, замок ближе не становился. Напротив, его высокие стены словно бы отдалялись. И скоро уже Рыцарь Без Имени и его спутник, плешивый мальчик Леонес, совершенно выбились из сил.

И тут среди зелени травы они увидели лежащую даму. На ней было белое платье, отороченное мехом черной лисицы, и ее распущенные волосы также были белоснежными. Она лежала как бы бездыханная, раскинув в стороны руки, и Рыцарь Без Имени поневоле подумал о том, что никогда раньше ему не доводилось видеть таких прекрасных рук. Он остановился полюбоваться ею, а она вдруг вздохнула и открыла глаза.

– Кто вы? – спросила дама. – Почему стоите здесь с таким лицом, словно собираетесь меня съесть?

Рыцарь Без Имени тотчас уселся на траву рядом с дамой; что до мальчика Леонеса, то он с громким стоном повалился неподалеку лицом вниз и некоторое время не давал о себе знать, чтобы его господин мог, не заботясь о нем, вволю побеседовать с незнакомой дамой.

– Хотя я и утратил большую часть того, чем владел, – проговорил Рыцарь Без Имени, – все же не настолько лишился я памяти, чтобы не помнить о том, что недостойно рыцаря поедать дам. Хотя в иных случаях дамы не заслуживают лучшего обращения.

Он подумал о Прекрасном Виночерпии и нахмурился.

– Например, я бы сейчас охотно покарал даму по прозвищу Прекрасный Виночерпий, – заключил он. – Но поскольку ее здесь нет, то этого и не произойдет.

– Ваши речи звучат для меня непривычно, – тихо произнесла дама. – Мое имя Голодная Инара, и я умираю.

– Мне весьма печально слышать такое, да еще от красивой дамы во цвете лет, – сказал Рыцарь Без Имени, стараясь быть как можно более учтивым. – Но какова причина вашей скорой смерти?

– Голод, – ответила дама и заплакала.

Рыцарь Без Имени призадумался. Он и сам сейчас не отказался бы от завтрака, по возможности сытного. Однако до сих пор Рыцарь Без Имени считал нехватку еды лишь несущественной помехой, которая может быть устранена при первой же возможности. Кроме того, небольшой голод неизбежно сопровождает любое приключение, так что, в общем, всякий рыцарь привык не обращать на него большого внимания.

– Этот холм называется Голодным Холмом, – пояснила дама, – а замок – Голодным Заком. Их так прозвали потому, что до сих пор ни одному человеку не удалось подняться по склону холма и попросить хозяев замка о гостеприимстве.

– В таком случае, – решил Рыцарь Без Имени, – разумнее было бы не штурмовать столь неприступную твердыню и обратиться за помощью к каким-нибудь услужливым мужланам.

– О, если бы здесь был Гавейн, – сквозь слезы произнесла дама, – он бы нашел способ спасти всех нас! Но, увы, его убили два злодея-брата, Фае Гордый и Гомере Безмерный, и больше мы никогда его не увидим!

– Я как раз гонюсь за убийцами Славного Гавейна, – поведал Рыцарь Без Имени. – Как только я узнал о его кончине и в особенности – о том, что случилось с его телом, я внезапно почувствовал неодолимое желание отомстить за него, сам не знаю, почему.

– Как ваше имя? – спросила дама.

– У меня нет имени! – гордо отвечал Рыцарь Без Имени. – Я не голодранец, чтобы называться каким-нибудь нелепым прозвищем, вроде «Леонес» или, вернее сказать, «Плешивый Леонес».

– Ну а я как раз недостаточно горд и вполне довольствуюсь этим наименованием, – подал голос мальчик.

Но Голодная Инара даже не посмотрела в его сторону. Она глядела на небо и вздыхала так тяжело, что сердце разрывалось.

– Ах, если бы жив был Гавейн, он избавил бы нас от беды!.. Вы, Рыцарь Без Имени, должно быть, любили Гавейна, коль скоро жаждете отомстить за него?

– Покамест я встречался лишь с правой ногой и левой рукой Гавейна, – пояснил Рыцарь Без Имени, – однако не теряю надежду свести близкое знакомство и с другими частями его тела. Впрочем, сейчас нам не следует терять время на пустые разговоры. Вот вам моя рука, прекрасная Голодная Инара, обопритесь, и мы попробуем спуститься с этого холма и попытаться счастья в деревне.

И он помог даме встать, а затем обвил рукой ее талию и повел вниз. Мальчик Леонес побежал за ними следом и потащил в поводу коня.

Дама уселась на пригорке, красиво расположив вокруг себя складки одеяния, а Рыцарь Без Имени в самом отрадном расположении духа отправился в деревню.

Он не сомневался в том, что мужланы охотно выбегут к нему навстречу, падут перед ним на колени и подадут самую лучшую еду, какую только отыщут у себя в закромах, и почтут за великую честь потчевать столь знатного гостя.

Да только обернулось совсем иначе. Все мужланы находились в поле, а жены их, мужланки, были по горлышко заняты хозяйственными заботами, и никому не было дела до того, что Рыцарь Без Имени, его слуга, а заодно и прекрасная дама Инара умирают от голода и вот-вот испустят дух.

И тогда Рыцарь Без Имени пробрался к дому, который показался ему менее убогим, нежели остальные, и через раскрытую дверь приметил на столе черствую лепешку и рядом розовый кусок сала.

Вот Рыцарь Без Имени входит в дом. Он забирает хлеб и сало, он находит кувшин с молоком и берет и его, а затем хочет оставить на столе золотую монету.

Но тут к дому подбегает здоровенный мужлан с вилами и громко кричит: «Держи вора!» – и нацеливается вилами на Рыцаря Без Имени, и желает лишить его жизни ради лепешки, куска розового сала и кувшина кислого молока.

– Постой! – кричит Рыцарь Без Имени. – Остановись, неразумный мужлан, потому что за все эти блага я отдал тебе золотую монету!

– Не нужна мне золотая монета! – кричит мужлан и машет вилами. – Сам ешь свою золотую монету! Да вздумай я расплатиться такой монетой где-нибудь на ярмарке, меня тотчас сочтут вором и отрубят мне руку!

Тут Рыцарь Без Имени вспомнил о том, что у него остались меч и щит, и закричал что было мочи:

– Леонес! Леонес! Принеси мне меч и щит, чтобы я мог покарать этого дерзкого мужлана! Да побыстрее, не мешкай!

А Леонес закричал издалека:

– А где они, ваш меч и щит? Что-то я их не вижу!

– Они приторочены к седлу! – надрывался Рыцарь Без Имени, уворачиваясь от вил. – Пospеши!

А мужлан уже вошел во вкус и целился все точнее. Еще немного – и он пронзит Рыцаря Без Имени насквозь и пригвоздит его к стене.

Тут верхом на рыцарском коне примчался мальчик Леонес. Он болтал ногами, не дотягиваясь до стремян, и вопил:

– Отойди от моего господина, грязный мужлан, потому что тут у меня тут есть и щит, и меч, притороченные к седлу, и я попробую пустить их в ход, если к тому вынудят меня обстоятельства!

Конь толкнул мужлана в бок, и тот выронил вилы и плюхнулся на землю, разинув рот. А Рыцарь Без Имени подбежал к мальчику и вручил ему добычу:

– Скачи скорее с этой едой и спаси даму!

Сам же он побежал вслед за конем.

Поев, Голодная Инара чудесно преобразилась: волосы ее из снежно-белых сделались золотистыми, на щеках проступил слабый румянец, а губы поменяли цвет с синеватого на розоватый.

– Благодарю вас, – промолвила дама. – Ваши щит и меч пришлись как нельзя кстати. Хотя, сдается мне, Гавейн справился бы лучше.

– Но здесь, да и во всем мире, больше нет Гавейна, – сказал Рыцарь Без Имени с набитым ртом. – И поэтому придется нам довольствоваться тем, что мы имеем под рукой.

– Увы, – подтвердила Голодная Инара. – И, сдается мне, хуже всего то, что никто сейчас толком не знает, где его голова.

– Чья голова? – не понял Рыцарь Без Имени.

– Голова Гавейна, – ответила Голодная Инара.

– Разве ее не забрали с собой Фае Гордый и Гомере Безмерный?

Дама отвечала:

– Когда Фае Гордый и Гомере Безмерный, совершив свое злодейство, ехали по этой долине и похвалялись содеянным, им повстречался великан в доспехе, усеянном красными шипами. Великан этот прозывается Красным Рыцарем. Он владеет Красным Городом, который расположен где-то в долине.

– Этот великан мне известен, – сквозь зубы проговорил Рыцарь Без Имени. – Ведь он побывал при дворе короля и похитил там, на глазах у всего славного рыцарского братства, даму по прозванию Прекрасный Виночерпий. Так что я гонюсь за ним, дабы восстановить попорченную королевскую честь. Ибо негоже, чтобы великаны врывались на королевский пир и похищали виночерпиев, особенно же – Прекрасных.

Дама засмеялась от удовольствия и захлопала в ладоши:

– Как умно и хорошо вы изъясняетесь, Рыцарь Без Имени! Удивляюсь, почему вас до сих пор никто не назвал Красноречивым Рыцарем!

– Потому что меня вполне устраивает мое нынешнее прозвание, – отозвался рыцарь, и какое-то воспоминание пронеслось в его голове, невесомо, как птица, едва задевшая его крылом. – Но, умоляю, продолжайте ваш рассказ о том, как повстречались Фае Гордый и Гомере Безмерный с великаном Красным Рыцарем.

– Произошло это потому, что подобное притягивается подобным; так и злодеи сходятся между собой, – охотно продолжала свой рассказ дама. – На склоне Голодного Холма, где мы с вами, любезный мой спаситель, едва не приняли лютую смерть, повстречались Фае Гордый и Гомере Безмерный с Красным Рыцарем. И начали они, подобно всем негодяям, играть в кости. Трясли они и бросали, и говорили при этом гнусные слова, и похвалялись своими многочисленными дурными поступками. Услышав многие их речи, я решила подойти к ним и также предложила сыграть с ними в кости.

– Господь с вами, благородная дама! – воскликнул тут Безымянный Рыцарь. – Как вы решились на столь необдуманный поступок? Ведь последствия могли быть самыми плачевными.

– Все оттого, что я услышала их похвальбу в том, что они убили Гавейна и везут с собой части его тела, – отвечала Голодная Инара. – Я же, как и все здешние дамы, бесконечно люблю Гавейна, хотя мы с ним ни разу и не встречались. И вот внезапно охватило меня горячее желание иметь у себя хотя бы пальчик Гавейна, чтобы хранить его в серебряном ковчежце, сделанном особо, и на Пятидесятницу, а также на Рождество и на день Святого Михаила вынимать и покрывать поцелуями.

– Что же вы поставили в обмен на пальчик Гавейна? – спросил Рыцарь Без Имени.

– Один мой поцелуй, – ответила Голодная Инара. – Впрочем, это не имеет большого значения, поскольку я выиграла, и таким образом один мизинчик перешел в мою власть. Но я не позволила отделить его от кисти и не останавливала игру, а поставила на кон мою любовь

– в обмен на всю правую руку Гавейна. И снова я выиграла. И тогда я возмечтала получить его голову, – ведь тогда я могла бы лобызать его прямо в уста! – но тут судьба отвернулась от меня, и я проиграла.

– Что же было проигрышем на этот раз, дозвоьте спросить, прекрасная Голодная Инара? – подал голос мальчик Леонес.

Это была непростительная дерзость со стороны столь плешивого и оборванного мальчика, но, поскольку Рыцарю Без Имени тоже очень хотелось задать этот вопрос, то он промолчал и спустил мальцу его самовольство.

А Голодная Инара ответила:

– Я поставила Ужасное Проклятье против головы Гавейна. И вот, когда Гомере Безмерный выиграл, его брат, могущественный колдун Фае Гордый, проклял меня и обрек на смерть на склоне Голодного Холма. Однако вы, Рыцарь Без Имени, явились вовремя и избавили меня от злосчастья. Красный же Рыцарь оказался удачливее, и братья проиграли ему свои плащи и перчатки, и все деньги, какие были у них при себе. Что до головы Гавейна, то братья увезли ее с собой, зашитую в круглый кожаный кошель. Но куда направились Фае Гордый и Гомере Безмерный – того не ведает никто.

После этого разговора Рыцарь Без Имени простился с дамой, сел на коня, свистнул своему оруженосцу и двинулся прочь от Голодного Замка, окруженного плодоносными пашнями.

* * *

– Нам следует отыскать Красный Город, – объяснил Рыцарь Без Имени мальчику Леонесу. – Там нам легко будет найти Красного Рыцаря. Я вызову его на поединок и убью, после чего мы завладеем Прекрасным Виночерпием и с честью доставим его – точнее, ее, – к королевскому двору. И уж тогда нашему пиршеству ничто не помешает.

Рассуждая так, он ехал все дальше и дальше по дороге, и в конце концов путники очутились в глухой чаще леса. И сколько бы ни всматривался рыцарь вперед и сколько бы ни оборачивался он назад, нигде не было видно ни одного огонька.

Мальчик Леонес плакал в темноте от страха и усталости. Рыцарь Без Имени взял его к себе в седло и вез перед собой, морщась от отвращения, потому что не мог не думать о том мхе, который рос у того на голове.

Они ехали так час или два, а потом заметили впереди свет как от горящей лампы или яркой свечи. Конь тоже встрепенулся и пошел живее, и скоро перед путниками открылась маленькая часовня, стоящая в глухом лесу.

– Верно, тут живет отшельник, – заметил Рыцарь Без Имени и обнаружил, что мальчик крепко спит. Он спустился на землю и снял мальчика, затем устроил его на мху и закутал рваным плащом, а сам вошел в часовню.

Там действительно обнаружился отшельник. Он стоял на коленях перед большим каменным крестом, изрезанным красивыми узорами, и смотрел на что-то, лежащее в глубине часовни.

– Мир тебе, добрый человек, – заговорил отшельник.

У него была длинная борода и светлые, почти бесцветные глаза на сморщенном лице. И он был такого крошечного роста, так что при иных обстоятельствах Рыцарь Без Имени счел бы его карликом.

– Я вовсе не добрый человек, – ответил Рыцарь Без Имени, – однако охотно и миром приемлю твое приветствие и отвечу тебе также миром. Со мной еще прокаженный оруженосец, но у него мох растет на голове, поэтому я оставил его снаружи, сам же решил войти внутрь и спросить у тебя еды. Потому что сегодня мы пережили приключение у стен Голодного Замка, и теперь ужасный страх терзает меня – страх остаться без ужина.

Отшельник подал ему кусок хлеба, и Рыцарь Без Имени охотно принялся жевать.

– Расскажи мне, святой отец, о себе, – попросил Рыцарь Без Имени. – Потому что так заведено при королевском дворе: не трапезничать молча, подобно животным, но развлекать друг друга поучительными историями.

– Как ты уже увидел, путник, – сказал отшельник, – расту во мне очень мало, и в молодые годы этим я зарабатывал себе на жизнь: показывал разные трюки и кривлялся. Великих рыцарей сместило, что я такой маленький. Но однажды я встретил Славного Рыцаря Гавейна, и он ни разу даже не улыбнулся, хотя в своих кривляниях я превзошел в тот день самого себя. Славный же Гавейн позвал меня к себе и осведомился, человек ли я. «Я карлик, – отвечал я, – и хочу, чтобы и ты посмеялся надо мной, подобно прочим». Однако Гавейн дал мне немного денег и сказал: «Если ты человек, то задумайся о своей душе». Так я и поступил.

– Неужто Гавейн был таким благочестивым? – изумился Рыцарь Без Имени. – Вот бы никогда не подумал!

– О, это так! – кивнул отшельник. – С той поры я отпустил бороду, а потом превратился в отшельника и обрел себе жилище здесь, в Гибельной Часовне посреди Гибельного Леса. Сам же я зовусь Гибельным Отшельником.

– Вот так чудеса! – вскричал тут Рыцарь Без Имени. – Сколько погибели вокруг одного человека, да еще настолько маленького!

– Что ж, это бремя мне по силам, – улыбнулся отшельник. – Великой души для него вовсе не требуется. А теперь, если ты подкрепился, то уходи, оставь меня наедине с моим горем.

Рыцарю Без Имени вовсе не хотелось уходить из теплой часовни, хотя бы и Гибельной, где горел огонь и звучала связная человеческая речь, и поэтому он попытался задержаться, задавая вопросы:

– Что же за горе тебя постигло?

– Там, на алтаре, – сказал отшельник, – лежит обезглавленное тело, лишенное также рук и ног, и это – тело Славного Рыцаря Гавейна. Тебе что-нибудь об этом известно?

– Мне доводилось встречаться с одной ногой Гавейна и обеими его руками, – сказал Рыцарь Без Имени. – И могу заверить тебя в том, что об этих частях его тела хорошо заботятся. Нога по-прежнему в сапоге, а рука – в перчатке. Что до другой руки, то некая дама по имени Голодная Инара намерена соорудить для нее особый серебряный ковчежец и на Пятидесятницу, Рождество, а также в Михайлов день вынимать руку и покрывать ее поцелуями. Так что и у этой конечности весьма завидная судьба. Думаю, сам Гавейн не нашел бы для своей правой руки лучшего применения. Впрочем, не берусь решать за Гавейна, коль скоро он Славный Рыцарь, а я – всего лишь Рыцарь Без Имени. Но каким образом оказалось у тебя это безголовое тело?

– Я подобрал его в лесу, – ответил Гибельный отшельник. – Нынче проезжали здесь два свирепых рыцаря, Фае Гордый и Гомере Безмерный, и везли с собой кровавую поклажу, а за ними летела стая воронья. Я слышал, как Фае Гордый сказал: «Надоело мне это воронье, брат, и сдается мне, домогаются они того мертвого тела, которое мы повсюду таскаем с собой». А Гомере Безмерный ответил: «Расклевав труп, они возьмутся за нас и не останутся, пока от нас не останутся лишь белые кости. И все потому, что наши одежды пропитались запахом Гавейна, которого умертвили, предательски напав на него спящего у ручья». С этими словами они бросили свою ношу и ускакали, а я отогнал ворон молитвой и привез безголовое тело Гавейна сюда.

Так в разговорах незаметно прошла ночь, и наутро Рыцарь Без Имени разбудил своего оруженосца, дал ему остаток лепешки и приказал седлать коня.

И они снова пустились в путь и долго еще плутили по Гибельному Лесу, потому что выбраться из этой чашобы оказалось не так-то просто.

С наступлением темноты путники выехали на широкий луг и впереди увидели высокий прекрасный замок. Но сколько они ни умоляли отворить им ворота, никто не отвечал. Наконец в зарешеченном окошке появился старый-старый привратник с кислым-кислым лицом и прошамкал:

– Не трудитесь колотить в наши ворота, неразумные путники, никто и пальцем не пошевелит, чтобы впустить вас, потому что здесь такой закон: с наступлением темноты все засовы задвигаются и остаются в таком положении, покуда не взойдет солнце. Ради вас никто не отменит этого обычая, так что ступайте отсюда подобру-поздорову.

– Скажи, не проезжали ли здесь два злобных рыцаря и еще великан в красном доспехе, увозящий с собой даму? – осведомился Рыцарь Без Имени.

Старикашка насторожился:

– Зачем ты спрашиваешь настолько богопротивные вещи, да еще после наступления ночи?

– Я преследую этих людей, и мне отрадно было бы знать, что я на правильном пути, – отвечал Рыцарь Без Имени.

– Для твоего же блага лучше бы тебе оказаться на ложном пути! – отрезал старикашка. – Потому что когда ты их настигнешь, тут-то и распрощаешься с жизнью. Впрочем, возможно, это произойдет гораздо раньше. Спокойной тебе ночи, путник.

И старикашка исчез, а Рыцарь Без Имени вернулся к своему оруженосцу.

– Беда, Плешивый Леонес, – промолвил рыцарь. – Похоже, опять придется нам с тобой ночевать под открытым небом.

– Я видел поблизости кладбище, – заметил мальчик. – Там можно найти укрытие от дождя и ветра.

– Что ж, поспешим, – согласился Рыцарь.

Они привязали коня к дереву, мальчик устроился на ночлег на ступенях склепа, а Рыцарь Без Имени улегся на чьей-то могиле, положив голову на могильный камень, и погрузился в сладкие сны.

В полночь все кладбище озарилось ярким сиянием, которое разбудило путешественников. Мальчик Леонес перебрался поближе к Рыцарю Без Имени, прижался к нему и задрожал всем телом, а тот стойко терпел близость прокаженного и даже пытался его утешить:

– От света еще никому не делалось худого. Другое дело – тьма, в ней легко может притаиться все злое на этой земле.

И тут поднялась могильная плита, на которой как раз и почивал Рыцарь Без Имени, и оттуда вышла, источая нестерпимое для глаз сияние, богато разодетая дама. Ее пышные волосы были распущены по спине и украшены множеством незабудок, рассыпанных по прядям. Платье ее было из алого шелка и переливалось при каждом движении; рукава же были зелеными.

– Зачем вы заночевали на Гибельном Погосте? – спросила дама у путников голосом звенящим, как серебро.

– Мы побывали в Гибельной Часовне и пользовались гостеприимством Гибельного Отшельника, – ответил Рыцарь Без Имени, – а затем целый день плутали в Гибельном Лесу. Нет ничего удивительного в том, что заночевать нам пришлось на Гибельном Погосте. Однако ответь, почему нас не пустили в замок?

– Места эти называются «гибельными» потому, что здесь, на этом кладбище, обитает дьявол, – ответила дама. – Он-то и сеет гибель повсюду в округе, и сладить с ним невозможно, а изгнать его – крайне трудно. Ах, был бы жив Гавейн, Славный Рыцарь, он бы совладал с дьяволом. Но увы, Гавейн мертв, и в этой могиле, на которой вы устроились почивать, погребена его левая нога.

– Могу ли я повидаться с этой ногой? – спросил Рыцарь Без Имени. – Мне доводилось уже встречать ее правую товарку, и я хотел бы передать от нее привет и заверение в том, что дела

у нее идут лучше некуда. Когда же я встречу с его головой, то она, верно, захочет получить от меня сведения обо всех своих подданных. По какой-то причине я считаю своим долгом предоставить ей добрые известия о том, что все они благополучны.

– Что ж, – молвила дама, – гляди.

Она провела рукой над могильной плитой, и камень сделался прозрачным, а вслед за тем прозрачной стала и земля, насыпанная в могилу, и Рыцарь Без Имени увидел ногу, облаченную в шелковый чулок, перевязанную алыми лентами и украшенную жемчугами. Нога была облачена в прекрасный сапог из мягкой кожи, с острой рыцарской шпорой. И она лежала в ящичке на особой подушке.

– Да, – молвил наконец Рыцарь, – это воистину превосходное погребение. Лучшего ни одна нога во всем христианском мире не могла бы себе пожелать.

Дама снова провела рукой над плитой, и видение скрылось из глаз.

– Теперь же поспеши, – сказала она, – иначе дьявол придет на Гибельный Погост и захочет получить свою жертву.

С этими словами она исчезла, а там, где она только что стояла, во мраке приплясывал, источая зловоние, какой-то стук тьмы.

– Что ж, – проскрежетал дьявол, – без спросу явился ты на Гибельный Погост и теперь жестоко заплатишься за это.

Вместо ответа Рыцарь Без Имени поднял меч и нанес удар. Он почувствовал, как сталь увязла в чем-то, похожем на глину. А дьявол расхохотался и схватил ледяными пальцами самое сердце Рыцаря Без Имени.

Тут Прокаженный Оруженосец бросился вперед и закричал во всю мочь:

– А ну, отпусти моего господина, ты, осклизлая гадина!

Дьявол так удивился, что разжал пальцы и выпустил сердце Рыцаря.

– А ты кто такой? – прошипел он в темноте.

– Я тот, кто загадает тебе три загадки, – ответил Оруженосец. – И если ты правильно ответишь хотя бы на одну, то заберешь меня в ад, а если не сумеешь, то покинешь эти края и больше не станешь тревожить здесь добрых людей!

– Загадывай! – согласился дьявол. – Ты ведь знаешь, что я не могу отказаться от такого предложения. Начинай! Какова твоя первая загадка?

– Порос мохом, да не старый камень, – кто таков? – спросил мальчик Леонес.

– Старое бревно! – фыркнул дьявол.

– Неправильный ответ: я спросил не «что такое», а «кто таков»! – сказал мальчик и засмеялся. – Вот тебе вторая загадка: «Плешив, да не старец, – что такое?»

– Молодой плешивец, – ответил дьявол.

– Опять ты ошибся, – звонким голосом возразил мальчик Леонес. – Я спросил не «кто таков», а «что такое»? Вот тебе третья загадка: не справишься – уйдешь прочь и чтобы больше мы тебя здесь не видели! «Роскошное, да нищее – где найти?»

– Это человеческая душа, – сказал дьявол, но по его голосу слышно было, что больше он ни в чем не уверен.

– Стал бы я спрашивать у дьявола, где найти человеческую душу! – захохотал мальчик. – А теперь слушай правильные ответы. Кто порос мхом? Ответ – я. Что такое молодое плешивое? Ответ – моя голова. Где найти роскошное, да нищее – у меня на плечах: это роскошный плащ, который я изорвал в странствиях, да так, что выглядит он хуже, чем одежда последнего бедняка. Вот тебе три ответа, а теперь – проваливай!

Рыцарь Без Имени, видя, что дьявол медлит, снова поднял свой меч и нанес могучий удар. И поскольку дьявол, только что проиграв спор человеку, потерял большую часть своей силы, меч Безымянного Рыцаря не увяз в его теле, но прошел плавно и гладко, как сквозь масло, и снес с косматых плеч дьявола его рогатую башку.

Тотчас загорелись на погосте огоньки от ламп и свечей, и всё вокруг озарилось теплым светом, а из-под земли снова вышла красивая дама с незабудками в волосах и воскликнула:

– Благодарю тебя, Славный Рыцарь, и тебя, Прокаженный Оруженосец! Вы оба спасли наши края от дьявола, и отныне сей погост будет называться не Гибельным, а Приветливым, и лес – Зеленым, и часовня – Гостеприимной, а отшельник – Карликом Динасом.

В замке, несмотря на поздний час, отворяли ворота, повсюду там запылали факелы и заиграла музыка.

– Вас ждут! – сказала дама, указывая на замок, после чего сделалась прозрачной и исчезла.

Пока Безымянный Рыцарь и его спутник шли обратно к замку, Рыцарь говорил так:

– Меня немного смущает, что дама дала мне то же прозвище, что и покойному Гавейну, ибо я вовсе не Славный Рыцарь и никогда не смогу им стать, но всего лишь Рыцарь Без Имени. Да и название погоста «Приветливый» звучит так, словно некто зазывает людей в могилу раньше срока, а ведь могила тем и отличается от придорожной харчевни, что человек попадает туда не на время, а навсегда. Впрочем, отшельнику, должно быть, приятно будет вернуть свое прежнее имя – Карлик Динас, хотя «Гибельный Отшельник» звучало, на мой слух, красивее.

* * *

В Гибельном Замке Рыцарь Без Имени и его Прокаженный Оруженосец провели целый день в забавах и увеселениях и под вечер было объявлено, что в честь освободителя этих земель от дьявола Гибельный Замок будет отныне именоваться Безымянным Замком. И было устроено по этому случаю большое пиршество.

На другой день, едва рассвело, Безымянный Рыцарь поднялся с пышного ложа и отправился разыскивать своего оруженосца.

Мальчик Леонес обнаружился на кухне, где спал, прикорнув в ногах у кухарки. И была та женщина таких огромных размеров, что Рыцарь Без Имени тотчас опознал в ней родню великанов.

– Эй, Леонес! – позвал Рыцарь Без Имени. – Проснись, бездельник! Как смеешь ты спать, да еще так сладко, подложив себе под ухо ногу этой огромной женщины, когда твой господин уже восстал с постели и разлучился с пышными покрывалами, и отнял щеку от подушки, и бродит теперь в поисках пищи!

Мальчик Леонес открыл глаза, улыбнулся Безымянному Рыцарю и потянулся. И от этой улыбки у Безымянного Рыцаря почему-то легко стало на сердце.

– Я знаю, где она хранит холодную говядину, мой господин, – тихо сказал мальчик. – Кроме того, мне известно, где находятся ее запасы лепешек, приготовленных особенным способом, так что они не черствеют сорок дней и лишь на сорок первый становятся жестче. И наконец я выведал у этой женщины, в каком месте обширных ее кладовых скрываются корзины с сушеными и свежими фруктами. И все это я берусь украсть, не задумываясь.

– В таком случае, я жду тебя возле конюшен, – сказал Рыцарь Без Имени, вполне удовлетворенный услышанным. – Принесешь запасы, а потом оседлаешь моего верного Грингалета.

– О! – вымолвил мальчик. – Так вот, значит, каково имя вашего коня? Клянусь головой Гавейна, Славного Рыцаря, конь ваш именуется пышнее, чем вы сами, мой господин!

– Неужто ты полагаешь, ничтожный смерд, будто рыцарю пристало носить такое имя, как Грингалет? – возмутился Рыцарь Без Имени. – Следи за своим языком, дерзкий мальчишка, иначе я прикажу тебя высечь!

– Мой господин, – тихо проговорил мальчик, – вам некому приказывать, кроме Грингалета и меня.

И с этими словами он снова улыбнулся.

Они выехали из замка спустя полчаса или чуть более того, когда солнце еще низко висело над горизонтом, лишь обещая жаркий день, но не исполнив и трети от обещанного.

– Для чего мы покинули этот замок так рано? – жаловался Плешивый Леонес. – Клянусь правой рукой Гавейна, Славного Рыцаря, и особенно тем мизинцем, на котором носил он перстень, – нам бы передохнуть да хорошенько подкормиться.

– Скажи лучше, малодушный, – обратился к нему рыцарь, – о чем еще, кроме еды, ты толковал с той стряпухой? Точно ли она родня великанам, или же мне это почудилось?

– По правде сказать, она действительно родня великанам, – ответил мальчик. – И я быстро нашел с ней общий язык, потому что великаны ничего так не любят, как маленьких человеческих детей. Они тешатся с ними, и играют с ними, и щекочут, и угощают, и смешат, и заставляют проделывать разные трюки, и так может тянуться месяцами, да только под конец великанья природа все равно берет верх, и человеческий ребенок оказывается в котле с вареными овощами. Но до того, как это произойдет, у ребенка довольно много времени.

– И что же ты разузнал?

– Зовут ее Берта Большой Зуб, – сказал мальчик Леонес, – и родилась она от того же корня, что и Красный Рыцарь, которого вы преследуете, мой господин.

– Как же вышло, что Берта сделалась стряпухой в Гибельном Замке?

– Владельцы замка – могущественные колдуны, – объяснил мальчик, – только им и под силу совладать с Бертой. Сама же она родилась от любви великана и одной толстой женщины, потому и силы в ней ровно вполовину от великаньей. И она не так свирепа, как ее чистокровные сородичи. Когда она готовит мясо, то не режет его ножом, а рвет руками. И она способна разорвать голыми руками целого быка. И это умение в ней особенно ценится господами.

– Понятно, – сказал Рыцарь Без Имени.

– Красный же Рыцарь, – продолжал мальчик Леонес, – владеет Красным Городом, до которого осталось нам менее дня пути.

– Это мне известно и без тебя, – сказал Рыцарь Без Имени. Поспешим! Хотел бы я поскорее разделаться с ним и освободить Прекрасного Виночерпия, чтобы можно было вернуться к моей прежней жизни.

В таких и подобных разговорах прошел час или более того, и вот Рыцарь Без Имени и его оруженосец выбрались на берег реки и увидели мост, а перед мостом – плачущую даму.

Волосы этой дамы были цвета ореховой коры, убранные под тонкую сетку, затканную драгоценными камнями; глаза ее были зелеными, черты лица тонкими, а нос покраснел от плача.

Безымянный Рыцарь приблизился к ней на Грингалете и спросил:

– Что с вами случилось, прекрасная дама, и не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

– Увы! – сказала дама, глотая слезы. – Со мной произошла ужасная беда. Мой возлюбленный вручил мне своего сокола как залог верности и нерушимой любви, а я упустила птицу. Что мне теперь делать? Ничего на свете не страшусь я так сильно, как его гнева!

– Но за что бы ему гневаться на вас? – удивился Безымянный Рыцарь. – Ведь вы не изменили вашей любви, лишь потеряли птицу.

– В этой-то птице и заключалась вся наша любовь, – ответила дама. – Выслушайте меня, как это случилось. Мы крепко любили друг друга и обнимали друг друга руками всякий час, когда выпадала такая возможность. Но потом он сказал: «Любезная дама! Я хотел бы быть ближе к вам и чувствую, что сюрко мешает мне осуществить это желание!» И он снял с себя сюрко (потому что доспех он снял с себя еще раньше), а я тоже сняла с себя блию, и остались мы в одних рубашках. И снова мы крепко обняли друг друга руками. Но сохранялось еще препятствие, и тогда избавились мы и от рубашек. Однако и после того близость наша показалась нам недостаточной. «Любезная дама! – сказал мне мой возлюбленный. – Не знаю, как и быть. Даже

кожа препятствует мне ощущать вас в полной мере, и я хотел бы проникнуть к вам под кожу. Но если нам с вами избавиться и от этих покровов, то, боюсь, жизнь наша станет недолгой».

– Клянусь погребенной ногой Гавейна, той, что в шелковом чулке! – вскричал тут оруженосец. – Весьма разумное рассуждение!

– Поэтому, – продолжала дама, – мы решили изъять наши чувства из души, он из своей, а я – из своей, и вложить их в сокола, потому что у сокола есть крылья и он может парить в поднебесье, подобно тому, как душа человеческая взмывает на седьмое небо любви и еще выше. А вот теперь я упустила сокола и вместе с ним потеряла нашу любовь.

– Это весьма прискорбно, – заметил Рыцарь Без Имени.

И тут он увидел, как к ним скачет во весь опор рослый и могучий рыцарь. Доспех на нем был добрый, а вот лицо у него было очень злое, хотя и прекрасное чертами. Увидев, что дама стоит у моста, плачет, и сокола при ней нет, зато рядом стоит какой-то незнакомый рыцарь и ласково беседует с нею, Гневный Рыцарь разъярился, поднял меч и, ни слова не говоря, срубил даме голову.

Затем он повернулся к Рыцарю без Имени и закричал:

– Сражайся со мной, предатель!

– Тебе придется подождать, пока я облачусь в мои доспехи, – предупредил Рыцарь Без Имени. – Ты только что нанес мне страшное оскорбление, обезглавив даму у меня на глазах!

С помощью мальчика Леонеса он извлек доспехи из сетки и взял свой щит, после чего воссел на Грингалета, и они с Гневым Рыцарем сошлись в поединке.

Бились они долго, нанося друг другу свирепые и страшные удары, и доспехи на обоих были изрублены. Наконец Гневный Рыцарь сбросил Безымянного с коня и наступил ногой ему на грудь, а затем наклонился и расстегнул на нем шлем.

– Мне придется отрубить тебе голову, если ты не признаешь своего поражения, – предупредил он. – Ибо таков мой обычай.

– Не только твой, – прохрипел Безымянный. – Однако мне бы не хотелось остаться без головы прежде, чем я разыщу Красного Рыцаря и освобожу Прекрасного Виночерпия. После этого мне нужно догнать еще двух злодеев-рыцарей Фае и Гомере, которые забрали голову Гавейна.

– Вижу я, жизнь тебе нужна позарез и потому я не стану забирать ее, – согласился Гневный Рыцарь. – Но я заберу твоего коня.

Он отпустил Безымянного Рыцаря, тщательно осмотрел и убрал в ножны меч, затем нагнулся к бездыханной даме и подобрал ее голову.

– Эй, малый, – обратился Гневный Рыцарь к мальчику Леонесу, – приподними-ка тело моей дамы.

Мальчик подчинился, и кровь перепачкала ему одежду. А Гневный Рыцарь посадил голову дамы обратно ей на плечи, и голова приросла как ни в чем не бывало. Дама тотчас принялась плакать.

Гневный Рыцарь, не обращая никакого внимания на ее слезы, усадил ее на Грингалета, сам сел в седло своего коня, и, держа Грингалета в поводу, двинулся по мосту за реку. И скоро оба они скрылись из виду.

Леонес помог Безымянному рыцарю снять доспехи. Однако доспехи оказались настолько изрубленными, что пользоваться ими уже не было никакой возможности. Да и возить их было не на ком, ведь Грингалета они лишились.

Они перешли мост пешком, и вот перед ними Красный Город, сияющий в лучах полуденного солнца. Стены и башни его сложены из красного камня, он отражается в реке, дробится и наполняется золотыми искрами, а небо над ним такой глубокой голубизны, что ломит глаза.

Перед воротами же стоит великан Красный Рыцарь, пеший, опираясь на меч, и на нем – доспех с красными шипами на плечах.

Увидев перед собой Безымянного Рыцаря, великан расхохотался.

– Неужели ты вознамерился биться со мной, козявка?

– Увы, – ответил Безымянный Рыцарь, – у меня нет иного пути, разве что ты по доброй воле отдашь мне Прекрасного Виночерпия.

– Не пойму, о чем ты толкуешь! – ответил Красный Рыцарь. – Но как бы тебе не пожалеть о своем намерении!

С этими словами он поднял меч, и начали они сражение.

Сперва Красный Рыцарь одолевал, но тут солнце перешло за полдень, и Безымянный Рыцарь внезапно почувствовал прилив сил. Он засмеялся и с размаху ударил Красного Рыцаря по шлему, а у того хлынула кровь из ушей и изо рта, и он упал на колени.

Тогда Рыцарь Без Имени еще раз ударил его, на сей раз по плечу, ближе к шее, и едва не перерубил ему горло. Красный Рыцарь повалился ничком, и трава вокруг него заплывла кровью.

– Поднимись, – сказал Рыцарь Без Имени. – Я подарю тебе жизнь, если ты признаешь себя побежденным и отдашь мне Прекрасного Виночерпия.

Красный Рыцарь с трудом встал на ноги. Доспех на нем сделался поистине красным от крови.

– Я признаю себя побежденным, – сказал он. – И выполню любое твое приказание, если буду в силах, потому что ты великодушен. Зовут меня Бруно Безжалостный, и я буду кротко служить тебе, если ты пожелаешь.

– В таком случае отправляйся к королю и расскажи ему обо всем, что произошло, – приказал Рыцарь Без Имени.

– Король непременно захочет знать, кто мой победитель, – заметил Бруно Безжалостный.

– Меня зовут Рыцарь Без Имени, – начал было Рыцарь Без Имени, но тут Бруно Безжалостный весь побелел и рухнул к его ногам, потеряв сознание.

– Эй, Прокаженный Оруженосец! – закричал рыцарь. – Скорее перевяжи его раны и дай ему вина, если у нас оно еще осталось.

Прокаженный Оруженосец так и поступил: он остановил кровь и дал Бруно Безжалостному напиток. Тот наконец пришел в себя, открыл глаза, вздохнул и промолвил:

– Узнаю доброе великанское вино! Оно способно исцелять раны, если в человеке течет хоть немного великанской крови. Для обычного же человека оно обычное вино, только густое и чересчур доброе.

Безымянный Рыцарь сказал:

– Раз ты вновь обрел способность связно изъясняться, то ответь: почему ты похитил Прекрасного Виночерпия?

– Я сделал это из зависти к Гавейну, – ответил Бруно Безжалостный. – А кроме того, потому, что мне нравится эта дама. Она же постоянно отвергала мою любовь и отбивалась от моих любезностей и даже завела себе ради этого платье, отороченное иглами.

– Довольно дерзко с ее стороны, – вставил, смеясь, Прокаженный Оруженосец и хлебнул великаньего вина из фляги.

– Как бы там ни было, я никогда не причинил бы ей вреда, – грустно продолжал Бруно Безжалостный. – Она сбежала от меня на первом же привале, да еще и жестоко исцарапала мне лицо своими ежовыми рукавами.

– Итак, я одержал над тобой верх, но не вернул даму, – сказал Рыцарь Без Имени. – Где же мне теперь искать ее?

– Понятия не имею! – развел руками великан. – Я охотно отдал бы ее тебе, если бы мог. Но она сгинула бесследно.

– Должен ли я по-прежнему разыскивать ее или же мне следует вместо этого продолжить погоню за Фае Гордым и Гомере Безмерным? – задумался Рыцарь Без Имени. – Пожалуй, лучше поймаю сперва Фае Гордого и Гомере Безмерного да спрошу их, зачем они убили

Гавейна, а заодно отберу у них голову Славного Рыцаря. Ибо негоже ей путешествовать в столь недостойном обществе.

– В таком случае, дам тебе добрый совет: иди вверх по течению реки, – сказал Бруно Безжалостный. – Я видел, как братья направляются туда, в объезд Красного Города. Да будет тебе известно, Фае Гордый – могущественный колдун, а я таких у себя никоим образом не терплю, и ему это хорошо известно. Я же исполню твое приказание и предложу свою службу королю. Все за Круглым Столом узнают, какие славные подвиги ты совершил в поисках Прекрасного Виночерпия. И не твоя вина, если ты до сих пор не в состоянии отыскать эту даму. Эта дама не из тех, кого легко найти, особенно если она сама этого не желает.

– И все же я обязан вернуть ее к месту ее службы, за Круглый Стол, коль скоро она посмела назваться Прекрасным Виночерпием, – сказал Рыцарь Без Имени. – Но сперва мне следует собрать воедино тело Гавейна и доставить его королю. Это, я знаю, весьма обрадует владыку Камелота.

* * *

Как ни просил оруженосец об отдыхе, Рыцарь Без Имени ничего и слышать не хотел:

– Мы близки к цели! Ты ведь слышал, что говорил Бруно Безжалостный? Сдается мне, этому великану можно верить.

– Ни одному великану и ни одному карлику верить нельзя, – возразил Прокаженный Оруженосец. – Равно как не стоит доверять ребенку и женщине. Все эти существа слишком отличаются от мужчины и потому, по необходимости, лукавы.

– Молчи! – приказал Рыцарь Без Имени.

Они брели пешком вдоль реки, спотыкаясь о коряги и увязая в болотцах, которыми то и дело потчевали их речные берега.

– Вот они! – крикнул вдруг Прокаженный Оруженосец и указал вперед.

Двое рыцарей верхом на конях ехали, не спеша, и о чем-то переговаривались между собой. У одного из них Рыцарь Без Имени приметил большой круглый кошель, в котором тот, несомненно, вез голову Гавейна.

– Кто же из двоих Фае Гордый? – спросил Рыцарь Без Имени. – Тебе это случайно не известно, Леонес?

Мальчик прищурился:

– Для чего тебе знать, кто Фае, а кто Гомере, мой господин?

– Ты ведь слышал слова великана: Фае Гордый – могущественный колдун, – ответил на это Рыцарь Без Имени. – Его надлежит оставить в живых и заставить мне подчиняться. Второго же я намерен убить без всякого сожаления.

– Фае – тот, что с кошельем, – сказал Прокаженный Оруженосец. – Я видел его как-то раз на турнире. Будь с ним осторожен, он левша.

– Ты верно мне служишь, – сказал ему Рыцарь Без Имени. – Я не забуду этого.

С этими словами он поцеловал Прокаженного Оруженосца в щеку и прокричал, обращаясь к двум братьям-рыцарям:

– Эй, остановитесь и сражайтесь! Ибо я хочу отобрать у вас то, что вы везете в кожаном кошелье!

Братья без единого слова, доброго или худого, развернули коней, подняли мечи и поскакали прямо на Рыцаря Без Имени. А тот, чуя приближение ночи и напившись великаньего вина, ощущал в себе огромные силы, которые прибавлялись с каждой секундой.

Рыцарь Без Имени поднял меч и сшиб с седла Гомере Безмерного. Тот рухнул оземь – тут из него и дух вон. Фае Гордый перекинул меч в левую руку и набросился на Рыцаря Без Имени, а тот уже успел сесть на коня, принадлежавшего Гомере Безмерному, и легко отбил нападение.

Тогда Фае Гордый ударил Рыцаря Без Имени по левой руке, а Рыцарь Без Имени ударил Фае Гордого по правому боку. И так обменивались они ударами, то разъезжаясь, то снова съезжаясь, и вся земля вокруг была изрыта копытами их коней.

И в тот миг, когда луна поднялась над горизонтом, Рыцарь Без Имени ударил с такой силой, что рассек на Фае Гордом кольчугу, и кровь побежала по стали, еще чернее, чем ночная тьма. Фае Гордый закричал страшным голосом, как если бы кричал не человек, а дикий зверь, и упал с коня. А Рыцарь Без Имени соскочил со своего коня и наступил левой ногой Фае Гордому прямо на горло, а правой ногой он наступил ему на левую руку.

– Ничтожный колдун! – сказал Рыцарь Без Имени. – Отдай голову Славного Гавейна и покорись мне.

А Фае Гордый только плевался кровью и шипел под ногой Рыцаря Без Имени и извивался, точно гадюка.

Тогда Прокаженный Оруженосец отобрал у Фае Гордого меч, заставив того разжать пальцы, и выбросил в реку. Фае Гордый снова закричал, а после обмяк и прошептал:

– Клянусь верно служить тебе, Рыцарь Без Имени, куда ты носишь это имя.

– Что ж, полагаю, это означает «навечно», – хладнокровно молвил Безымянный Рыцарь. – Ибо никакое другое имя я принимать не намерен.

С этими словами он взял кожаный кошель, разрезал тесемки и извлек голову Гавейна.

Луна уже стояла высоко, тучи, если они и пятнали небосвод, раздвинулись, и белый луч упал на реку и берег реки. Стало видно тело Гомере Безмерного – он свернул себе шею, когда свалился с коня, – и также голова Гавейна в руках Безымянного Рыцаря.

Долго созерцали эту голову Фае Гордый, Рыцарь Без Имени и Прокаженный Оруженосец. Затем Рыцарь Без Имени произнес:

– Что-то не очень похожа эта голова на Славного Рыцаря Гавейна. Впрочем, я не уверен: ведь я не помню в точности, как выглядел Гавейн.

– Вот как? – удивился Прокаженный Оруженосец. – Разве вы не были дружны, когда сидели за Круглым Столом в королевском дворце в Камелоте?

– Не так чтобы очень, – ответил Безымянный Рыцарь. – Ведь Гавейн – племянник короля и лучший рыцарь за Круглым Столом, я же – самый обычный Безымянный Рыцарь, каких у его величества полным-полно на всех лесных дорогах зеленой Англии.

– Коли так, – сказал Фае Гордый, – то нам следует собрать все части тела Гавейна и приставить к ним голову, а потом порасспросить его самолично. Полагаю, он не станет таиться и открыто поведает о том, как обстоят у него дела.

– Вы действительно можете это сделать? – обрадовался Безымянный Рыцарь.

– Большинство рыцарей в состоянии убить и расчленив ближнего своего, – отвечал Фае Гордый, – но лишь Фае Гордый способен соединить то, что некогда разрубил на кусочки, хотя бы и мелкие, и вернуть этому жизнь. Поэтому он и именуется Гордым, а не как-нибудь еще.

– В таком случае, ты мог бы восстановить из мертвых и своего брата, – заметил Рыцарь Без Имени. – Хоть я не питаю никакой любви к Гомере Безмерному, но мне все-таки жаль, что он столь бесславно свернул себе шею.

– Я властен лишь над теми, кого убил собственноручно, – ответил Фае Гордый с печальным вздохом. – Поэтому Гомере Безмерного нам остается лишь похоронить. Так что пусть твой оруженосец выкопает ему могилу, мы же пока отдохнем и воздадим должное тем припасам, которые наверняка остались у тебя вон в той суме.

* * *

В Гостеприимной Часовне посреди Зеленого Леса горело девять свечей, и отшельник расхаживал, наступая на край своей непомерно длинной мантии, взад и вперед. Он размахивал рукавами, тряс бородой и выказывал недовольство разными другими способами.

– С тех пор, как меня снова начали называть Карликом Динасом, – пожаловался он Рыцарю Без Имени, – многое в моей жизни изменилось к худшему. Мало того, что я испытываю на себе многообразные неудобства, о которых позабыл, пока был Гибельным Отшельником, – я еще и причиняю неприятности окружающим. Ибо Карлик Динас в силу своей былой профессии растянул себе мышцы и напряг сухожилия и вечно у него болели и ныли все косточки, особенно в дурную погоду, а у нас в Англии такая погода постоянно. Отшельник же, напротив, проводил жизнь степенную и никогда не стоял на голове и не болтал ногами по воздуху, словно взбивая тесто, и потому кости у него никогда не ныли. Гибельный Отшельник был человеком приветливым и добрым. Что до Динаса, то он вовсе был не человеком, а карликом, и характер у него был злобный. Не знаю, для чего кому-то вздумалось избавляться от кроткого и мудрого Гибельного Отшельника и заменять его вздорным и вечно хворым Карликом Динасом.

– Я возвращаю тебе твое имя Гибельного Отшельника, – сказал Рыцарь Без Имени. – Или, быть может, ты хотел бы принять еще какое-нибудь наименование? Скажи, и я выполню это. Ибо я обязан тебе многим, а буду обязан еще большим.

– Меня вполне устроит «Гибельный», – фыркнул Карлик Динас. – Не вздумай называть меня «Приветливым» или «Гостеприимным» – я так разозлюсь, что ты и костей не соберешь. Пока я все еще Карлик, учти, – я вполне на такое способен.

– Итак, возвращаю тебе твое славное имя Гибельного Отшельника! – громко воскликнул Рыцарь Без Имени. – Часовня же твоя отныне да именуется Уединенной! Первый же подсвечник да зовется отныне Дарующим Свет, второй – Источающим Свет, третий – Пылающий Светом...

– Остановись, прошу тебя! – вскричал Гибельный Отшельник. – Иначе ты можешь зайти слишком далеко. Давайте лучше посмотрим, как поживает наш мертвый Гавейн, собранный из кусочков.

Прокаженный Оруженосец, Фае Гордый и Рыцарь Без Имени вслед за Гибельным Отшельником вошли в часовню и стали любоваться рыцарем, возлежащим на алтаре в окружении подсвечников, три из которых получили имена, а остальные шесть так и трудились безымянными.

Левая нога Гавейна, в шелковом чулке, увитая жемчугами, слегка отвернулась от своей правой товарки, обутой в сапог, как будто стыдилась столь заурядного соседства. У правой руки был опечаленный вид – ей как будто предпочтительнее было находиться в серебряном ковчеге, в сладком плену влюбленной дамы, которая намеревалась лобызать ее трижды в год, на Пятидесятницу, Рождество и еще в Михайлов день. Левая же покоилась тихо, смиренно.

Туловище Гавейна было стройным в талии и широким в груди и плечах, и Рыцарь Без Имени невольно сравнивал его со своим, ибо полагал, что в талии он раздался чуть более, чем следовало.

Голова Гавейна со смятыми волосами, раскрытыми побелевшими глазами и сухими, черными губами, выглядела хуже всех остальных частей тела, ибо за ней никто не ухаживал и уж точно не собирался лобызать.

Фае Гордый подошел к Гавейну, поправил руки и ноги, приставил голову к телу и вскричал:

– Встань, поднимайся, ленивый рыцарь, покуда мы не назвали тебя трусом!

От такой угрозы Гавейн вздрогнул, зашевелился, повернул голову вправо и влево, затем приподнялся и поправил обеими руками левую ногу, которая лежала кривовато.

После этого он с трудом сел и хриплым голосом попросил воды.

Фае Гордый посмотрел на Гибельного Отшельника, Гибельный Отшельник – на Рыцаря Без Имени, а Рыцарь Без Имени – на Прокаженного Оруженосца, а тот сразу понял, что от него требуется, выбежал из часовни, схватил ковшик, зачерпнул воды из бочки и вернулся к алтарю.

– Что так долго! – сердито сказал воскрешенный рыцарь. Он вырвал у Оруженосца ковшик и жадно выпил воду. Тотчас глаза его перестали быть белыми, а губы черными, и лицо сделалось миловидным и даже приятным. Он удивленно смотрел по сторонам и ничего вокруг себя не узнавал. – Где я нахожусь, добрые люди? – спросил он наконец.

– Это Гибельная Часовня, – ответил бывший Карлик Динас.

– Но как вышло, что я очутился здесь? – недоумевал рыцарь.

– Нам с вами пришлось проделать долгий путь, – ответил Рыцарь Без Имени уклончиво.

– Поведайте мне все ваши приключения, – попросил рыцарь, лежащий на алтаре.

– Труднее всего было отобрать правую руку Гавейна у дамы, которая держала ее в серебряном ковчежце, – не считая нужным ходить вокруг да около, Фае Гордый сразу приступил к сути истории. – Нам пришлось напасть на эту даму и связать её шелковой красной лентой. Но мы оставили ей в утешение ковчежец и перстень. Другими рукой и ногой владели две дамы-сестры, одна с красными волосами, другая – с черными. Как-то раз они отлучились ненадолго, оставив свои сокровища под присмотром слепого брата. Не стоило большого труда подослать к нему Прокаженного Оруженосца, который под предлогом заботы о несчастном слепце выкрал у него левую руку в перчатке и правую ногу в сапоге.

Воскрешенный посмотрел на свои руку и ногу, как бы вопрошая их, правду ли ему сообщают, и те не пожелали опровергать ни единого словечка из повествования Фае Гордого; напротив, у них был весьма довольный вид.

– Далее нам пришлось вернуться на бывший Гибельный Погост и выкопать из могилы еще одну ногу, – продолжал Фае Гордый. – Последнее удалось легко, ибо после того, как вот этот Безымянный Рыцарь со своим Прокаженным Оруженосцем победили дьявола, погост перестал быть таким уж Гибельным и могилу никто не охранял.

– А я боялся, что оттуда опять выскочит та святящаяся дама, – вставил словечко Прокаженный Оруженосец.

При свете свечей его лицо стало странно изменяться, оно уже не выглядело таким чумазым и отталкивающим и язвы с него как будто сошли. Впрочем, ни Фае Гордому, ни Рыцарю Без Имени сейчас до этого не было никакого дела, поскольку все их внимание было занято воскрешенным Гавейном.

– Мой глупый оруженосец опять чего-то опасался, – заговорил Рыцарь Без Имени, – в отличие от меня, ибо я не боюсь решительно ничего. И уж тем более – святящихся дам, которые выходят из могилы и произносят странные речи. Ибо мы раскапывали могилу левой ноги Гавейна среди бела дня, когда святящиеся дамы мирно спят в своих гробах. Туловище ваше, любезный рыцарь, изначально покоилось в этой часовне, так что за ним никуда ездить не пришлось, и хвала за то Небесам, ибо, да простит нас Бог, оно чересчур тяжелое. А вот ради головы нам пришлось постараться, и один рыцарь по имени Гомере Безмерный даже лишился из-за этого жизни.

– Что ж, – молвил воскрешенный рыцарь, – это многое объясняет.

– Мы счастливы снова видеть вас, Славный Рыцарь Гавейн! – заключил Рыцарь Без Имени.

– Но я вовсе не Гавейн, – возразил удивленный рыцарь и спустил ноги с алтаря, намереваясь встать. Прокаженный Оруженосец тотчас подскочил к нему и подал ему руку. – С чего вы взяли, будто я – Гавейн?

Фае Гордый, на которого все перевели взгляд, вдруг ужасно побледнел, потом покраснел, потом покрылся потом, опустился на пол часовни и взялся обеими руками за ворот своей рубахи.

– А кто же ты, если не Гавейн? – прохрипел Фае Гордый. – Ведь нам с братом прямо указали на тебя как на Гавейна!

– Кто же это сделал? – изумился воскрешенный рыцарь.

– Две дамы, красноволосая и черноволосая, – объяснил Фае Гордый. – Мы с моим покойным братом Гомере Безмерным были безумно влюблены в них и ничего так не желали, как заполучить их благосклонность. Но на этом пути у нас стоял Гавейн, в которого обе эти дамы были, в свою очередь, влюблены – причем по одним лишь добрым слухам о нем и его подвигах. Мы решили, что, убив Гавейна, скорее добьемся их благосклонности. И когда Гавейн спал у ручья, мы отрубили ему голову, а потом отсекли руки и ноги. Вот как все случилось.

– А откуда дамы взяли, будто я – Гавейн? – настаивал воскрешенный.

– Им подсказал их слепой брат, – ответил Фае Гордый. – Мы сами это слышали. Клянусь, ничего я не желал бы так сильно, как схватить этого жалкого путаника и вернуть ему зрение, чтобы он, как и я, мог видеть все уродство и безобразие этого мира! И я сделаю это, ибо некогда именно я ослепил его, нанеся ему мощный удар по голове моей боевой палицей, которая после этого переломилась на две части.

– Это будет воистину страшная месть и вместе с тем благое деяние, – молвил рыцарь, ибо, побывав по ту сторону смерти, он обрел некую толику мудрости и научился видеть некое благо там, где другие увидели бы только месть. – Непростой ты человек, Фае Гордый.

– Но если ты – не Гавейн, то для чего мы так трудились и собирали тебя по кусочкам? – спросил Безымянный Рыцарь.

– Вероятно, для того, чтобы услышать правду обо мне, – сказал неизвестный рыцарь. – Узнайте же, что я – Юбер де Куртуа, по которому, не сомневаюсь, сильно горюет король, не увидев его за Круглым Столом в урочный час.

– Гхм, – неопределенно вымолвил Безымянный Рыцарь. – Однако где же, в таком случае, Гавейн?

– Так это ведь ты – Гавейн! – сказал Юбер де Куртуа и указал прямо на Безымянного Рыцаря.

Тот потерял дыхание в груди и краску на лице и задрожал всем телом, да так, что ноги его подкосились, и Прокаженный Оруженосец вместе с бывшим карликом едва сумели удержать его от падения.

– Я никак не могу быть Гавейном! – вскричал Безымянный. – Ведь у меня нет имени, и никогда не стать мне Славным Рыцарем, каким был Гавейн!

– Ты и есть Гавейн, – настаивал Юбер де Куртуа. – И я говорю это потому, что тысячу раз сидел с тобой за одним столом и еще два раза сходил с тобой в поединке на турнире, а однажды мы с тобой поспорили из-за дамы, чье имя напрочь вылетело у меня из головы.

– Если у тебя имя дамы вылетело из головы, то, возможно, и насчет меня ты ошибаешься.

– Нет, он не ошибается! – звонким голосом произнес Прокаженный Оруженосец и сдернул со своей головы грязную тряпицу, и длинные золотые волосы упали Оруженосцу на плечи и спину.

– Где же твоя плешь? – испугался Безымянный Рыцарь, который никак не мог привыкнуть к мысли, что он – Гавейн. – Весь мир только что обрушился предо мною, для чего же ты усугубляешь мои страдания, показывая мне дивные золотые волосы там, где я ожидал увидеть мох и язвы?

– Неужто ты настолько малодушен? – презрительно спросил бывший оруженосец.

– Прокаженным ты был мне милее, – признался рыцарь. – Но теперь я ясно вижу, что ты вообще не оруженосец даже не мальчик Леонес, а дама, и при том дама Леонора, она же Пре-

красный Виночерпий. Ловко ты провела меня, Леонора, и я начинаю понимать, какие чувства испытывает Красный Рыцарь, которому выпало несчастье любить тебя!

– Что ж, я тоже люблю Красного Рыцаря, – ответила Леонора, – а все, что я затеяла, было сделано ради испытания этой любви. Вот что я подумала: если я пробуду рядом с Гавейном несколько дней и не полюблю его без памяти, значит, мои чувства к Красному Рыцарю истинны. Если же я начну испытывать склонность к Гавейну, значит, вся моя любовь к Красному Рыцарю – лишь греза, и не более.

– И что же? – спросил Гавейн.

– Я не полюбила ни Гавейна, ни Безымянного Рыцаря, хотя Безымянный нравился мне больше, но только лишь как друг и сотоварищ по трудному путешествию.

– Что ж, вот все и разрешилось! – сказал бывший карлик, ныне отшельник.

Гавейн потянулся, передернул плечами, потрогал свое лицо руками, затем взял ковш с водой и долго всматривался в свое отражение.

– И все же трудно мне свыкнуться с мыслью, что я – Гавейн, – сказал Гавейн. – Слишком уж славным был тот Рыцарь Без Имени.

– Коль скоро ты больше не Рыцарь Без Имени, то и я больше не покоряюсь тебе, – сказал Фае Гордый. – Так что на этом месте мы с тобой распрощаемся, Гавейн. Ты возвращайся к королю с Прекрасным Виночерпием и Юбером де Куртуа, о котором, как он полагает, печалится весь Круглый Стол, а я, пожалуй, пойду своей дорогой. Верну зрение брату двух влюбленных в тебя сестер и заберу себе в жены одну из них.

– Которую? – спросила дама Леонора, смывая со щек остатки язв, которыми она доселе щеголяла.

– Какая захочет, – ответил Фае Гордый. – Мы с братом вдвоем любили двух сестер, но не успели договориться – кто из нас любит какую. Это предстояло выбрать самим сестрам. Пусть так и будет, а вторая останется на бобах. Разве что Юбер де Куртуа из жалости захочет взять ее в жены.

Юбер де Куртуа сразу приободрился и сказал:

– Почему бы нет!

* * *

На следующий день Юбер де Куртуа и его бывший убийца Фае Гордый отправились на поиски двух сестер и их слепого брата. Гавейн же с дамой Леонорой держали путь в Камелот, где они рассчитывали найти и Красного Рыцаря – Бруно Безжалостного. Леонора отправила заранее ему весть с почтовым голубем, дабы оповестить его о том, что ее любовь к нему прошла все испытания и что она рассчитывает свидеться с ним в Камелоте, дабы подробно поведать обо всем королю и там же отпраздновать свадьбу. Отшельник же остался в часовне – проводить дни в уединении.

Так Гавейн вернул себе имя и осчастливил множество людей. И только себе самому он не сумел услужить, за что, собственно, его и называли Славным Рыцарем.

Фриек и бисклавре

Все годы в Бретани правил граф Жан де Монфор, напугать или смутить которого было не так-то просто; самые страшные вещи заставляли его разве что призадуматься. Особенно же славился он тем, что совершенно не верил в оборотней, хотя при его дворе, кажется, не оставалось ни одного человека, который не встречал бы оборотня или хотя бы другого человека, который встречал оборотня.

– Когда я увижу такового собственными глазами, – твердил граф Жан, – тогда, быть может, и поверю; впрочем, поверить – не означает утрашиться.

Рыцари и дамы Бретонского двора наперебой уговаривали графа Жана оставить пагубное безверие, и только один рыцарь, Эрван де Морван, во всем поддерживал сюзерена:

– Оборотни не священное писание, чтобы им верить. Вот если в самом деле удастся нам собственными глазами повидать хотя бы одного – тогда другое дело.

Графу Жану по душе были такие речи и он, смеясь, приговаривал:

– Покуда мы с сиром Эрваном не вложим персты в оборотничью шерсть – не уверуем.

Этот сир Эрван был женат на очень красивой женщине по имени Азенор; да и сам он был весьма хорош собой, высок и статен, и всегда отличался на охотах и турнирах.

Замок Морван стоял на скале над самым морем, так что половина окон в высоких его башнях называлась «штормовыми», а другая половина – «пустынными», потому что частью смотрели они на бурное море, а частью – на скалы и лес.

И хоть замок был старым и угрюмым, а мир, его окружавший, – суровым, сир Эрван был на удивление веселым человеком. Детей у них с дамой Азенор пока не было, но сира Эрвана это как будто не слишком заботило; а вот дама Азенор день ото дня становилась все печальнее.

Первый год после того, как граф Жан вложил руку дамы Азенор в руку сира Эрвана, жили они беспечно и занимались лишь развлечениями да тем, как угодить графу; один раз сир Эрван даже участвовал в небольшой войне, и дама Азенор ждала его, сидя у окошка.

На второй год сир Эрван начал отлучаться из замка, и случалось это все чаще и чаще. И наконец стал он уезжать неизвестно куда на три дня в неделю; четыре же дня, с четверга и до понедельника, оставался с женой. А по воскресеньям неукоснительно посещал он церковь. Но в понедельник вновь уходил, не говоря никому ни слова.

Дама Азенор скрывала свое несчастье, да только тайное горе никого не красит: вокруг рта у нее появились скорбные складки, а под глазами залегли тени.

Однако никому она не рассказывала о том, что ее гложет, потому что сира Эрвана все в округе любили – можно сказать, души в нем не чаяли, – и граф Жан тоже считал его одним из самых благородных и достойных своих подданных.

* * *

Был как раз понедельник, и сир Эрван де Морван покинул свой замок и по заведенному обыкновению отправился неведомо куда и, как и всегда, проезжал через деревню, носившую то же имя, что и замок, то есть Морван. Тем вечером там на удивление оказалось многолюдно и шумно. Повсюду пылали и чадили факелы, хотя солнце еще не село, и люди бегали по всем направлениям, размахивали руками и кричали.

Сир Эрван остановил свою лошадь, и его тотчас обступили мужланы.

– Говорите! – приказал им сир Эрван. – Что здесь такое случилось? Почему вы бегаєте с факелами и кричите, как будто вам подпалили штаны?

– Ох, господин! – закричали мужланы. – Беда! В сарай забежал волк, и не простой волк, а самый настоящий оборотень. Как с ним совладать? Убить оборотня – трудное дело, ведь кого он укусит – тот сам делается оборотнем.

– А для чего непременно убивать оборотня? – спросил сир Эрван, чем поставил мужланов в тупик; впрочем, растерянность их длилась недолго, и один, самый сообразительный, выступил вперед, низко поклонился и сказал так:

– Воля ваша, господин, но если оборотня не убить, то он повадится ходить к нам в деревню, портить девушек и таскать детей.

– Для чего ему портить девушек, это я еще могу понять, – сказал сир Эрван, – но почему бы ему таскать ваших детей? Все они чумазы да сопливы и обузливывы свыше меры, пискливы и вечно голодны, сколько ни корми; лет десять пройдет, прежде чем из такого вырастет толковый работник.

– Все это так, господин, – сказал мужлан, – но ведь оборотню работники ни к чему: детей он поедает вместе с костями, волосами и худой их одежкой.

Тут сир Эрван начал щурить глаза, а это была верная примета, что он вот-вот рассмеется. И мужланам это не понравилось, да так, что двое из них прикусили губу, а еще один отвернулся.

– И у кого оборотень уже съел ребенка? – спросил сир Эрван. – Найдутся ли таковые в деревне Морван?

– А у хромой Берты, – подал голос кто-то из тех, кто стоял сзади.

Все тотчас повернулись к нему и закричали:

– Вот не ври! У Берты ребенок утонул, его потом из реки выловили!

Сир Эрван нахмурился и сказал:

– Вранья я не терпеть не могу, и вам это известно, а в оборотней не верю, и это вам тоже известно. Но если вы действительно так боитесь этого волка, то покажите мне сарай, где он прячется.

– Господин, – робко сказал тот мужлан, что посмелее остальных, – вы бы остереглись. Вдруг он все-таки оборотень?

– Это я и хочу понять, – сказал сир Эрван.

Он оставил свою лошадь на попечение мужланов и пошел поглядеть, кто там прячется в сарае.

Там было темно и захлавлено, в глубине воняло кислым и прогорклым, а у входа – сырой древесиной. И вдруг во мраке блеснули желтые глаза.

– Ай! – закричал мужлан, который привел сира Эрвана к сараю, и бросился бежать. Толпа жалась в стороне, опасаясь подходить ближе, и мужлан врезался в самую людскую гущу.

– Что там? Что? – трясли и вертели его, а он лишь отбивался, пучил глаза и тяжело дышал.

Сир Эрван протянул руку и коснулся жесткой волчьей шерсти. Волк же сперва задрал губу, а потом тихо визгнул и затих под человеческой ладонью. А сир Эрван нагнулся к нему и что-то сказал еле слышно.

Он вышел из сарая, и волк ступал за ним, как привязанный.

И сир Эрван сказал:

– Никакой это не оборотень, и я не позволяю вам его трогать. Он лесной зверь и будет жить в лесу, а вы мои люди и будете жить там, где отведена вам земля.

Тут волк вырвался вперед и убежал, а сир Эрван сел на лошадь и поехал прочь.

После этого слух пошел, что сир Эрван даже с оборотнем легко совладал, и оборотень, едва завидев сира Эрвана, тотчас превратился обратно в человека, пал на колени и умолял о пощаде. И сир Эрван помиловал его, но повелел отныне оставаться в волчьем обличье и не покидать леса.

Когда Жан де Монфор спросил Эрвана, что в этих рассказах правда, а что – ложь, и не пора ли уж и вправду им обоим начать верить небылицам, сир Эрван расхохотался и отвечал,

что выдумка вся история, от начала и до конца, просто мужланы испугались волка, только и всего.

Другие рыцари и дамы восхищались смелостью сира Эрвана и наперебой зазывали его поохотиться. И только дама Азенор и еще один рыцарь по имени сир Вран не поверили этому рассказу.

Сир Вран был человек красивый и молчаливый; лицо у него было молодое, а взгляд – как у старика, и кое-кто поговаривал, что это верный признак коварного человека или же человека, проклятого феями, – но с Азенор он всегда держался ласково и осторожно: он даже дышал при ней вполсилы, словно от слишком глубокого вздоха она могла бы рассыпаться.

И неизменно, когда граф выезжал на охоту, сир Вран старался улучшить минутку и побыть с дамой Азенор наедине.

– Верите ли вы тому, что рассказывает ваш супруг об этом волке? – спросил он как-то раз.

Медленно Азенор покачала головой:

– Спросила бы я у мужланов, но они правды не скажут. Муж мой говорит, что то был самый обычный волк. Но как, сир Вран, скажите на милость, получилось, что волк повинился моему мужу? Неужто и впрямь некоторые звери до сих пор чувствуют в человеке запах Адама, поставленного Творцом над всей тварью царем и повелителем?

– Говорят, такое случается, но только при условии истинной праведности человека, – заметил сир Вран.

– Ах, сир Вран, к моему мужу такое определение не подходит! – сказала дама Азенор горестно. – Он славный рыцарь, прекрасный охотник и добрый вассал графа Жана, но назвать его человеком истинной праведности не решится даже тот, кто любит его всей душой.

– Отчего вы так говорите? – насторожился сир Вран.

– Что ж, вам открою – все равно, рано или поздно, эта горькая правда выйдет наружу, – молвила дама Азенор. – У меня нет детей от сира Эрвана. Уж это-то не тайна, хотя, видит Бог, я хотела бы, чтобы сложилось иначе. А сир Эрван каждый понедельник покидает меня и отсутствует до четверга; затем он возвращается как ни в чем не бывало и живет со мной добродетельно, и слушает мессу в воскресенье, так что я уж начинаю надеяться на то, что жизнь наша пойдет заведенным порядком. Но в понедельник он вновь уезжает из замка. И такое продолжается больше года.

– Вы предполагаете, что у него есть konkубина, которую он навещает неукоснительно? – спросил сир Вран.

Дама Азенор сильно покраснела, отчего внезапно сделалась совсем дурной на лицо, опустила глаза и шепотом сказала:

– Да.

– Нет ли средства узнать, кто она такая?

– Для чего?

– Лучше знать, чем не знать.

– По мне так, дело обстоит ровно наоборот: лучше не знать, чем знать.

– Почему?

– Кто знает – тот поневоле решает. А кто не знает – тому и решать не требуется.

– Желаете жить как живете?

– Ах нет, сир Вран, так жить, как я живу, мочи нет...

И поговорив так некоторое время, они разошлись, не приняв никакого решения. И сир Вран клял судьбу за то, что не смеет ничего советовать даме Азенор: она до сих пор ничем не показала, что считает его своим другом, и даже ни разу не взяла за руку.

Но даме Азенор глубоко запали в душу их разговоры: и ее сомнения в супруге, и ласковое обхождение сира Врана, и история с волком.

И вот, во вторник, когда сира Эрвана нечего было и ждать к ужину, Азенор распустила волосы и в одной рубашке уселась у чаши с водой. В чаше отразилось лицо, совсем как у дамы Азенор, только не такое бледное и без синевы под глазами. А когда вокруг ее рта начали проступать горькие складки, дама Азенор вертела пальцем в воде, и отражение, покачиваясь, возвращалось к прежнему виду – молодой и прекрасной девушки, лишь похожей на разочарованную и опечаленную женщину.

И стала Азенор говорить сама с собой.

– Отчего ты больше не смеешься?

– Оттого, что муж меня больше не любит.

– Да ведь четыре дня в неделю он тебя любит.

– Да, но три дня в неделю он пропадает неизвестно где.

– Для чего тебе знать, где он пропадает?

– Для того, чтобы эти дни он мог бы проводить со мной.

– У него могут быть причины так поступать.

– Он мужчина; единственная причина для него оставлять жену, если не идет война, – другая женщина.

– Неужели нет третьей причины?

– Может, и есть, да на ум ничего больше не идет.

– Обратись к графу, пусть вразумит твоего мужа.

– Граф на его стороне. Ничего худого он про моего мужа не скажет, даже если тот в чем-то и провинился.

– Спроси мужланов из Морвана. Уж они-то что-нибудь да разнюхали, куда он ездит.

– Мужланы на него молиться готовы. Никто из них и слова о нем дурного не скажет, хоть бы он держал десяток любовниц.

– Найми человека, чтобы проследил за ним.

– Во всей округе такого не сыщется, чтобы по доброй воле решился причинить зло сире Эрвану.

– Да может, никакого зла и нет... Почему бы тебе считать, что он непременно творит измену?

– Даже ты на его стороне! – сказала своему отражению дама Азенор и с досадой выплеснула воду из чашки. – Один только сир Вран меня жалеет, а других друзей у меня, как кажется, и нет. И сама себе я тоже лютей враг.

С этим дама Азенор решила непременно выследить своего мужа и узнать, куда он ездит и чем занимается.

* * *

Вот уже четверг подходит к концу, а сир Эрван до сих пор не появился. Непокойно даме Азенор; недаром она спорила со своим отражением в чаше: она любила сира Эрвана и тревожилась за него.

– Уж не случилось ли что-нибудь? – гадала она. – Уж не замужняя ли дама его конкубина? Вдруг явился ревнивый муж и нанес увечье моему неверному супругу? Или же то были братья девушки – кому пришлось бы по душе терпеть женатого любовника в постели сестры? Ведь это означает, что она никогда не сможет выйти замуж! Ах, только бы знать, куда он ездит! Я бы отправила слуг вызволить моего бедного сира Эрвана.

Наконец стемнело; и вот простучали по мосту копыта лошади, и сир Эрван, лежа лицом на лошадиной гриве, въехал в ворота замка. Одной рукой он слабо сжимал поводья, другая же свисала и болталась. Одежда на боку у сира Эрвана пропиталась кровью, был он бледный и почти не дышал.

Сбежались слуги и прислужницы; сира Эрвана снимают с седла и несут в комнаты, бегают туда-сюда с мисками и чистыми тряпицами, и несут горячую воду и холодную воду, и какие-то отвары и примочки, и пахнет раздавленной травой и струганной корой.

Дама Азенор не пачкает в крови свои белые руки, но только сидит рядом и смотрит, как мужа ее укладывают на постель, как разрезают одежду, и без того изорванную, и обмывают на нем раны. Рука сира Эрвана свешивается с постели, капля крови повисает на кончике его среднего пальца и долго, долго держится, созревая потихоньку, прежде чем все-таки упасть, стать пятном и быть размазанной суетливыми ногами прислужниц.

Вот наконец сир Эрван умыт, и кровь остановлена, и дышит он теперь ровнее и тише. Дама Азенор ложится почивать на краю большой кровати, а сир Эрван неподвижно лежит на другом краю.

Под утро проснулся сир Эрван и позвал свою жену.

Та тотчас открыла глаза, словно и не спала вовсе. Отчасти так оно и было, потому что всю ночь даме Азенор грезилась различные ужасы, которые произошли с ее мужем.

– Вы очнулись, мой господин! – сказала дама Азенор, с чувством взяв его за руку и поднеся ее к губам. – Мы уже не чаяли увидеть вас живым.

– Откуда такие печальные мысли? – удивился сир Эрван. – И почему я связан? Мне трудно пошевелиться, как будто кто-то нарочно пленил меня и удерживает в неволе.

– Господь с вами, неужели вы не помните того, что произошло прошлой ночью? – всплеснула руками дама Азенор. – Конь привез вас в замок израненным с головы до пят, и кровь была повсюду на вашем теле и капала с пальцев на землю, и пусть святой Гвеноле уличит во лжи на Страшном Суде, если скажу сейчас неправду, но вы едва дышали и мы не чаяли наутро увидеть вас живым.

– Что ж, – немного поразмыслив, сказал сир Эрван, – это весьма возможно, потому что я действительно не помню, как возвращался в замок. А это верный признак того, что я был нешуточно ранен. Обычно-то у меня хорошая память, и я мог бы, закрыв глаза, наперечет назвать все ваши пальчики, моя госпожа, и на ручках, и на ножках, потому что у каждого из них собственное личико и характер.

И он потянулся к своей жене, но она отшатнулась и посмотрела на него со страхом. Такого раньше не случалось, и сир Эрван нахмурился.

– Да что с вами, прекрасная Азенор? Не бывало еще, чтобы вы уклонялись от моих объятий. И снимите наконец с меня эти путы, которые не позволяют мне вздохнуть свободно!

Азенор подчинилась и стала разматывать повязки, которые вчера так искусно были наложены на раны сира Эрвана.

Когда последняя из белых лент упала, глазам Азенор предстали два розовых толстых шрама, пересекавших ребра сира Эрвана, и еще три поменьше – на его левой руке выше локтя. И один такой шрам был почти у самой его шеи. И видно было, что большинство ударов нанесены мечом, но тот, что возле шеи, – тот был нанесен копьем.

Тут дама Азенор сделалась вся белая от ужаса и прикусила губу так, что губа у нее вспухла, а зубы занули.

– Вот так чудеса! – вскричал сир Эрван. – Сперва вы не желаете моих прикосновений, словно я внезапно сделался вам противен, а теперь и вовсе глядите на меня как на страшилище.

– Ваши раны, – пролепетала дама Азенор. – Они зажили.

– Клянусь собакой, конечно, они зажили! – сказал сир Эрван весело. – И это не должно вас так печалить, моя госпожа. Вот если бы раны мои воспалились и не заживали, и кожа вокруг них пошла бы вся красными и бурными пятнами, а посреди каждого пятна набух бы гнойный нарыв, – тогда бы следовало начать беспокоиться и поить меня гадкими настоями, потому что это было бы действительно нехорошо. Но гнойных нарывов нет, а это значит, что кровь в моих

ранах чистая. И они, как вы справедливо заметили, зажили, поэтому ничто не помешает мне заключить вас в объятия и задуматься наконец о наследнике.

– Сир Эрван, – спросила дама Азенор, – как вы получили эти раны?

– В полудне езды от нашего замка я встретил отряд голландских наемников, – ответил сир Эрван. – Эти пройдохи никакого добра не принесли на нашу землю. Их берут в свою армию все, кто сражается, а если оплата кажется им недостаточной, они попросту грабят окрестные поселения.

– Зачем же вы схватились с ними в одиночку? – спросила дама Азенор. – Это было крайне неразумно.

– О, – отозвался сир Эрван, – но иначе не получилось... Итак, они были крайне недовольны тем, что я напал на них, и ударили меня два или три раза, так что пришлось мне убежать, поджав хвост... Лошадь моя хорошо обучена, она, верно, и вынесла меня из схватки.

– Сдается мне, сир Эрван, вы это только что придумали для того, чтобы утешить меня, – сказала дама Азенор.

Сир Эрван засмеялся и схватил даму Азенор в охапку. И как она ни отбивалась, осыпал поцелуями ее щеки и шею и все то, что ниже шеи, для чего расшнуровал на ней рубашку и выбросил шнурок.

– Какие же подозрения терзали вас, моя бедная голубка?

– Пустите! – сердилась дама Азенор. – Я хотела серьезной беседы, а вы...

– Как же супружеская близость может помешать серьезной беседе? Говорите, что хотели сказать!

– Разве нет у вас конкубины, которую вы навешаете каждую неделю? – спросила дама Азенор, раздавленная сиром Эрваном, который прижался лицом к ее лицу и волосами щекотал ей нос. – Апчхи! Говорите же мне сейчас правду, ибо мы с вами обнажены и составляем единое тело, а правая рука не смеет лгать левой, если та ее о чем-либо спрашивает.

– И о чем вы спрашиваете мою правую руку? – осведомился сир Эрван. – Не побывала ли коварная на теле какой-либо другой женщины? Не пускалась ли в негодное путешествие, не посетила ли те края, где ей быть вовсе не следовало? Спросите об этом еще и иные части моего тела, и каждая из них ответит вам с полной искренностью, что ничего подобного не случилось!

– Ах, сир Эрван, – и дама Азенор закрыла глаза, – как я могу не верить вам, находясь в столь подчиненном положении.

– Вот и хорошо, – сказал сир Эрван и спустя некоторое время завершил свое дело. После чего он провел ладонью по своему боку, исчерченному шрамами, и почесался.

– Но скажите мне, – настаивала дама Азенор, – для чего вам уезжать из дома каждую неделю, если нет у вас конкубины?

– Ради встреч, вроде той, о которой я вам только что рассказывал, – сир Эрван как будто удивился ее недогадливости. – Для чего я говорил вам правду, моя госпожа? Уж точно не для того, чтобы вы ей не поверили. Или вам проще поверить в мою супружескую неверность? Я сказался бы неверным супругом, если бы вам от этого стало легче; но и вам будет только тяжелее, и на себя я возведу напраслину, а моя судьба и без того никогда не была простой и отягощать ее таким грехом я не намерен.

– Так вы покидаете меня ради драк? – не верила собственным ушам дама Азенор. – В таком случае, почему бы вам не объявить войну кому-либо из соседей, не взять небольшой отряд и не подрасться от души, как делают все благородные люди этой страны? А то подались бы к англичанам и поступили бы к ним на службу.

– Все эти пути для меня не слишком хороши, – ответил сир Эрван, – ведь я сражаюсь не ради удовольствия и не за то, чтобы прибавить новые земли к моим, и даже не во имя вассальной верности, – а исключительно ради пропитания.

Дама Азенор подобрала шнурок и начала приводить в порядок свою рубашку. Пальцы ее дрожали, а в лице не было ни кровинки.

– Не уподобились же вы наемникам, о которых только что отзывались с таким презрением? Ах, муж мой, муж мой, чего же я о вас не знаю? Каким образом драка доставляет вам пропитание?

– Любезная Азенор, да будет вам известно, что я их ем.

Дама Азенор замерла, не в силах ни пошевелиться, ни даже вздохнуть.

А сир Эрван беспечно раскинул руки, потягиваясь, и снова почесал розовый шрам под мышкой.

– Люди убивают друг друга, – сказал он, – и получают за это деньги, на деньги покупают еду и съедают ее. О, еда, купленная за деньги или полученная с крестьян, весьма вкусна, но мне, чтобы не погибнуть, непременно требуется время от времени съесть человека. Я не получаю за это денег и ничего не покупаю... Раньше, я знаю, бывали такие, кто покупал людей себе в пищу, но я считаю этот обычай весьма постыдным. Я не употребляю в пищу также моих крестьян и тем более не краду у них ради этого детей. Нет, моя госпожа, мой стол ограничивается исключительно врагами Бретани и графа Жана. И нет на моей совести никого, кого я не убил бы и в человеческом обличье, и при том недрогнувшей рукой.

– А... в каком обличье вы их убивали? – спросила дама Азенор, хотя в душе она уже знала ответ.

– В волчьем, конечно, – сказал сир Эрван. – Я бисклавре, что значит – «оборотень», и, видит Бог, так оно и есть! Я не выбирал этого – таким я родился у отца и матери. Быть может, оттого у нас с вами до сих пор нет детей, бисклавре редко появляются на свет, иначе жизнь была бы чересчур горькой.

– Горькой? – прошептала дама Азенор.

Сир Эрван пожал плечами:

– Каково это, по-вашему, желать человеческой жизни и скрывать от других свою волчью природу? Я едва не выдал себя, когда спас волка в нашей деревне. Но не мог же я позволить мужланам убить невинное животное! Он покорился мне, потому что признал меня, а вчера пришел мне на помощь, когда голландцы едва меня не одолели. Я был голоден и поступил неразумно: обычно я нападаю на раненых, оставших от отряда или же на тех, кто отошел по нужде достаточно далеко. Голод ударил мне в голову, и я набросился сразу на троих, а те кликнули подмогу... Впрочем, дело прошлое; на бисклавре все заживает быстро, завтра и следа от этих шрамов уже не останется. Так что вам не нужно беспокоиться о том, что мое тело изуродовано и вам неприятно будет к нему прикасаться.

– И это все, о чем вы можете думать? – еле слышно спросила дама Азенор.

Сир Эрван пожал плечами:

– Клянусь ногой Господа, да. Других мыслей не приходит.

– Вы – оборотень! – тут дама Азенор принялась вздыхать и плакать. – За кого же я вышла замуж? Как такое получилось? За что мне святая Этельреда послала такое несчастье? Куда смотрели мои родители? Неужто никто не знал о вас?

– Я ведь вас не обижаю, – напомнил сир Эрван, – ни вас, ни кого-либо из наших друзей или мужланов. Спросите кого хотите, все скажут, что сир Эрван де Морван добр и справедлив, а спросите графа Жана – и он скажет вам, что он верен.

– Я спрашивала мое собственное отражение, – проговорила дама Азенор, – и оно считает вас наилучшим мужем из возможных. Но все-таки вы оборотень, а это многое меняет!

Сир Эрван зевнул:

– Ничего это не меняет. Я тот же, что был вчера и всегда. Подайте-ка мне еще раз ваши губки, и ваши щечки, и ваши грудки, любезная моя супруга!

* * *

Сир Вран не оставлял своего намерения завладеть дамой Азенор. Действовал он постепенно и не спеша, сперва захватывая душу дамы, а уж затем намереваясь распространить свое влияние и на нее тело. Такой способ он полагал наиболее верным.

Душа дамы, так рассуждал он сам с собой, питается чувствами, а из чувств для дамы сильнейшие – любопытство и страх. Что касается любви, то она, по справедливому мнению сира Врана, представляла собою отнюдь не чувство, но добродетель. Питать же добродетель извне невозможно, она произрастает из собственного душевного корня.

Однако можно ее унавозить, дав ей обильное удобрение. Удобрением же может стать любое чувство, и сир Вран избрал наиболее удобные.

С тем он подступил к даме Азенор, выспрашивая, не прекратились ли непонятные отлучки ее супруга, а также интересуясь, отчего она бледна и скучна в последнее время.

Внимание сира Врана было даме Азенор приятно, особенно после того, как она узнала о том, что муж ее вовсе не человек. И она начала проводить больше времени с сиром Враном, особенно с понедельника по четверг.

И на расспросы сира Врана она, не выдержав, сказала:

– Святая Одиль мне в помощь, сир Вран, если солгу, но клянусь я Господом, ни разу не солгавшим: если бы муж мой навещал другую женщину и даже имел от нее детей, которых я почему-то до сих пор не могу ему подарить, – я и то была бы счастливее, нежели теперь! Но разговор с ним открыл мне, что сир Эрван де Морван не является человеком – он бисклавре, волк-оборотень. И каждую неделю он принимает звериное обличье, чтобы охотиться на людей и, поймав, пожирать их. Без этого он, по его словам, умрет.

Сир Вран почувствовал радостную дрожь, но скрыл свои чувства и вместо этого решился возразить даме:

– В такое трудно поверить, моя госпожа, ведь в округе ничего не слышно о том, чтобы пропадали люди. А там, где завелся бисклавре, непременно такое случается.

– Это оттого, как он говорит, что он пожирает исключительно врагов Бретани и графа Жана, – объяснила дама Азенор, – и кормится он вдали от дома. Потому и уезжает не на один день, а на несколько. Раны же, которые ему иногда наносят, заживают на нем в единый миг, и я сама стала тому свидетельницей.

– Коли супруг ваш действительно бисклавре, – заметил сир Вран, – то неплохо бы вызнать, каким образом он превращается в волка и, главное, как возвращает себе человеческое обличье.

Дама Азенор согласилась: это самое главное.

* * *

А сир Эрван и не думал ничего скрывать.

– По правде говоря, любезная моя супруга, мне гораздо легче стало теперь, когда вы узнали обо мне правду, и я больше не вынужден от вас таиться. Чувствую я, что отныне мы стали еще ближе друг к другу.

– Стало быть, лицемерие вам отвратительно? – спросила дама Азенор.

– Кому же приятно лицемерие? – удивился сир Эрван де Морван. – Любому, кто в здравом уме, будь он человек или бисклавре или даже англичанин, лицемерие отвратительно. Ведь оно и утомительно, и требует умственных затрат, а в случае разоблачения стыда не оберешься.

– Сдается мне, вы говорили о лжи, – возразила дама Азенор. – Лицемерие же предназначено для того, чтобы выдать не слишком хорошее за прекрасное. Ложь же выдает дурное за хорошее, а это совершенно иное дело.

– Как всегда, вы рассуждаете мудро, моя голубка, – обрадовался сир Эрван и поцеловал даму Азенор.

Она же стерпела поцелуй от нелюдя и бровью не поведя и продолжила разговор:

– Но если вы по природе своей волк, то разве не лицемерием было бы носить кожаные одежды, которыми Господь Создатель облек Адама после грехопадения для защиты его внутренностей, жил и сухожилок? Ведь одежды эти предназначены исключительно для детей Адама и ни для кого другого. Вы же, сдается мне, облачаетесь в них не по праву.

Сир Эрван нахмурился и долго размышлял, пытаясь понять, что же имеет в виду любезная его супруга. Но сколько бы он ни думал, смысл ее речений оставался для него темным. И в конце концов он пришел к решению попросту переспросить. А коль скоро между решением и исполнением у сира Эрвана проходило совсем немного времени, то он и сказал, не раздумывая:

– К чему вся эта болтовня про детей Адама? Бисклавре – настолько же человек, насколько и волк, и уж вам-то, кажется, грех жаловаться на то, что ношу я кожаные одежды.

– Но если в вас неким кощунственным образом уживаются две природы, то каким образом вы меняете одну на другую? – продолжала дама Азенор.

– Для чего вам знать?

– По доброй ли воле обращаетесь вы волком и по собственному ли желанию вновь становитесь человеком?

– На то, чтобы обладать двойной природой, не было моей доброй воли, – отвечал сир Эрван. – Кроме того, заблуждением будет называть эту двойственность кощунственной: ведь и святой Христофор, как говорят, был псоглавцем, и иные кентавры принимали святое крещение от подвижников пустыни Нитрийской. Впрочем, все эти разговоры книжные и чересчур благочестивые, в беседе между мужем и женой неуместные. Не лучше ли нам с вами, не теряя времени даром, избавиться от тех лишних одежд, что мы носим поверх кожаных, унаследованных от Адама, и заняться вещами, для супругов куда более уместными, нежели диспут о святом Христофоре?

И он потянулся к даме Азенор, дабы исполнить свое намерение, но она отстранилась.

– Так каким образом вы меняете обличье? – настаивала она.

– Если я отвечу, предадитесь ли вы со мной надлежащим утехам, как подобает доброй супруге, или и далее будете представлять из себя унылого капеллана?

– Клянусь, – сказала дама Азенор.

– В таком случае, – сир Эрван начал раздеваться, – я вам отвечу. Перед тем, как облачиться в шерсть, я раздеваюсь донага, а одежду мою складываю в особом месте.

– Это любая ваша одежда или какая-то особенная? – продолжала допытываться дама Азенор.

– Если я отвечу, снимите ли вы ваше блио? – спросил сир Эрван.

Дама Азенор сняла блио, и он сказал:

– Особенная.

– Могу ли я посмотреть на нее?

– Сначала снимите пояс и распустите ворот рубашки.

Дама Азенор проделала и это, и сир Эрван сказал:

– Это старая рубаха, выделанная из овечьей кожи. Ее носил и отец мой, и дед, а какими путями попала она к деду – того не ведаю. Я надеваю ее под обычную рубаху, когда уезжаю из дома.

– Стало быть, в ней все дело! – сказала дама Азенор и, не дожидаясь следующего приказания от мужа, сама стянула с себя рубашку, явив его взорам кожаные одежды, унаследованные от праматери Евы.

Тут сир Эрван и позабыл об их разговоре и со смехом притянул жену в свои объятия.

* * *

Настал день Пятидесятницы, и граф Жан вдруг заметил, что в церкви нет сира Эрвана де Морвана. Это показалось ему необычным, потому что сир Эрван никогда не пропускал случая послушать мессу, тем более в день великого праздника. Супруга же его, дама Азенор, находилась в церкви, и в одежде ее не было ни единой нитки зеленой, а только лишь темно-серые. Это показалось графу Жану еще более странным, и после мессы подозвал он к себе даму Азенор через слугу. Дама Азенор приблизилась и склонилась в поклоне, а граф Жан спросил ее, не захворал ли супруг ее и не приключилось ли с ним какой-либо беды.

Дама Азенор в ответ залилась слезами и отвечала, что не хотела бы омрачить такой светлый день, но коль скоро граф желает знать правду, то вот что произошло: уже месяц с лишком сир Эрван де Морван, ни слова не сказав, покинул замок Морван и супругу свою, и с тех пор нет от него никаких вестей.

Это опечалило графа Жана, но не настолько, чтобы поменять распорядок праздничного дня. И таким образом после мессы бароны отправились вместе с графом Жаном на охоту.

* * *

Время шло, и граф Жан то и дело вспоминал о сире Эрване де Морване, а тот все не показывался. Поначалу граф Жан просто ожидал его появления, потом начал сердиться, а спустя полгода его охватило беспокойство. Он призвал к себе даму Азенор и расспросил ее подробно.

Она отвечала, что сир Эрван имел обыкновение покидать ее время от времени, но никогда не рассказывал – для какой надобности. И было у нее подозрение, что он навещает другую женщину, способную подарить ему детей (при этих словах дама Азенор залилась слезами, но граф Жан даже глазом не моргнул, не сочувственный он был человек). И потому, страшась услышать нелюбезную правду, дама Азенор не задавала супругу вопросов о его отлучках. И вот, он покинул ее на целых полгода – и она понятия не имеет о том, где его искать!

– Каковы же ваши намерения относительно замка Морван? – спросил граф Жан, который, как и обычно, в первую очередь думал об интересах Бретани и о том, чтобы в его землях царил мир.

– Полагаю, даме неуместно управлять таким владением, – потупилась дама Азенор, – и потому предполагаю я, если еще через полгода супруг мой не объявится, вторично выйти замуж.

– Гхм, – молвил граф Жан, – полагаю, есть у вас кто-то на примете, достойный, умный, к кому вы питаете склонность?

Дама Азенор залилась краской и пролепетала, что от сюзерена ничто не скроется, – такой человек действительно имеется, и это – сир Вран, верный вассал и храбрый воин.

Граф Жан чуть поморщился и признал правоту дамы Азенор; однако наказал ей ждать еще полгода прежде, чем она отдаст сире Врану руку и замок пропавшего сира Эрвана.

Но месяц шел за месяцем, зима миновала, и снова зеленью покрылись леса и рощи, а в полях начался и закончился сев; настал день Пятидесятницы, второй по исчезновению сира Эрвана. И граф Жан дал согласие на брак сира Врана и дамы Азенор.

После мессы, как заведено, отправился он на охоту и долго преследовал оленя, так что в конце концов оторвался от всех своих спутников и один забрел в чащу леса. Оленя он давно

потерял и теперь искал лишь возможности выбраться, а лес вокруг него становился все глуше и темнее.

Граф Жан был человеком не робкого десятка, однако тут ему внезапно почудилось, будто чаща эта заколдована и он находится во власти каких-то злых чар, так что без посторонней помощи ему отсюда не высвободиться. Блуждать же без цели и надежды, покуда голод и усталость не сморят его, не заставят лечь на мягкий мох и забыться смертным сном, граф Жан никак не мог себе позволить, поскольку он правил Бретанью и тревожился о ее судьбе.

И потому воззвал он к святому Гвеноле и святой Одиль, и святой Этельреде, и святому Христофону, и тут навстречу ему из черного леса выбрался огромный волк.

Шерсть на волке была свалывшейся, словно он перелинял как переболел, глаза горели желтым огнем, а с клыков падала пена. Худые его бока тяжело ходили ходуном, стройные лапы ступали осторожно, но одна была поранена.

Волк приблизился к графу Жану и остановился, обдавая его жарким звериным дыханием. И вдруг графу Жану стало жаль зверя, он опустил кинжал, который занес было над волком, и проговорил:

– Для чего мне убивать тебя? Шкура твоя совсем негодная, и не получится из нее красивой оторочки, а сам ты так же жалок, как и я: блуждаешь в этой чаще без пропитания.

Волк поставил уши торчком и вдруг побежал вперед, сильно хромя. Граф Жан тронул лошадь и поехал следом.

Волк уверенно вел его звериными тропами, известными лишь лесным обитателям, но незримым для обычного человеческого взгляда. И спустя час или два вывел графа Жана на дорогу.

– Что ж, – сказал граф Жан, наклоняясь к волку, – здесь мы с тобой, пожалуй, расстанемся, брат мой. Ступай обратно в лес, потому что люди не потерпят твое общество и захотят тебя убить, как хотел убить тебя я.

Но волк не уходил, а все глядел на графа Жана и шумно дышал, вывесив язык. Он был таким худым, а лапа его кровоточила, и так ластился к графу Жану, что тот вдруг решился и, наклонившись, взял зверя к себе в седло, точно охотничью собаку.

– Если ты теперь укусишь меня, то я скажу, что ты неблагодарен, как человек, – заметил граф Жан. – И поступлю с тобой как с человеком: отдам палачу, чтобы тот отрубил тебе голову. Но если ты послужишь мне верно, то жди от меня награды. А я награждаю и людей, и зверей по их заслугам.

Волк прикрыл глаза и затих, успокоившись.

Рыцари и дамы обступили графа Жана и начали поздравлять его с благополучным возвращением и с добычей. Оленя же удалось убить сир Врану, новобрачному, и он подъехал к графу Жану похвалиться.

– Слышал я, убили вы волка в одиночку! – добавил сир Вран. – Кто же сравнится с вами, мой сюзерен, на войне или охоте!

Тут волк, смиренно дремавший под рукой графа Жана, вдруг шевельнулся и открыл глаза. Услыдав голос сира Врана, он приподнял верхнюю губу, сморщил нос и показал зубы.

Сир Вран отпрянул и побледнел.

– Так вы не убили его!

– Как видите. Я не убиваю все, что движется, – а этот волк помог мне выбраться из чащи и к тому же вел себя не как дикий зверь, но, скорее, как добрая собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.